РЕЙЧЕЛ КЕЙН

БЕСТСЕЛЛЕР *USA TODAY*
БЕСТСЕЛЛЕР *AMAZON CHARTS*

МЕРТВОЕ ОЗЕРО

Бестселлер Amazon

Рейчел Кейн

Мёртвое озеро

«Эксмо»
2017

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

Кейн Р.

Мёртвое озеро / Р. Кейн — «Эксмо», 2017 — (Бестселлер Amazon)

ISBN 978-5-04-097018-6

БЕСТСЕЛЛЕР USA TODAY БЕСТСЕЛЛЕР AMAZON CHARTS БОЛЕЕ 13 000 ОТЗЫВОВ НА АМАЗОНЕ Прямо сейчас, пока вы читаете этот текст, сотни серийных убийц разгуливают на свободе. А что если один из них – ваш муж? Что бы сделали вы, узнав, что в течение многих лет спите в одной постели с монстром? Этот психологический триллер сразу стал мировым бестселлером. Он получил бешеную популярность по всему миру и немедленно поставил автора в первый ряд мастеров жанра. Джина Роял была хорошей женой и любящей матерью. У нее был уютный дом на Среднем Западе и двое замечательных детей. Был у Джины и муж Мэл – обаятельный и успешный. Они были воплощением обычной американской семьи – такой, о какой только можно мечтать. Все это было… пока не открылась ужасная тайна Мэла… И вот уже Джина – не Джина, а Гвен Проктор, бывшая жена маньяка-убийцы, вынужденная скрываться со своими травмированными детьми. А Мэл отбывает пожизненный срок в тюрьме. Но и оттуда он представляет для нее угрозу, тонко манипулируя не только поклонниками, но и врагами. И если Гвен-Джина не хочет, чтобы ее дети стали очередной жертвой кровавого монстра, ей придется научиться бороться со злом… Еще больше триллеров о серийных маньяках узнаете из статьи в ЛитРес: Журнале

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-097018-6

© Кейн Р., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог 7
1 12
2 33
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Рейчел Кейн
Мертвое озеро

Для Люсьенны, которая немедленно поверила

Rachel Caine
Stillhouse Lake

Text copyright © 2017 Rachel Caine LLC. All rights reserved. This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

© Перевод на русский язык, М. В. Смирнова, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пролог

Джина Ройял

Уичито, штат Канзас

Джина никогда не спрашивала про гараж.

В последующие годы эта мысль будет мешать ей спать по ночам, пульсируя сухим жаром под веками. «Я должна была спросить. Должна была знать». Но она никогда не спрашивала, она не знала, – и в итоге именно это и уничтожило ее.

Обычно в три часа дня Джина была дома, но в тот день муж позвонил ей и сказал, что у него запарка на работе и что ей придется забрать из школы Брэйди и Лили. На самом деле это было не так уж сложно – оставалась еще уйма времени, чтобы закончить дела по дому, прежде чем начать готовить ужин. Мэл очень извинялся за то, что нарушил ее распорядок дня. Он казался самым лучшим, самым очаровательным мужем на свете, и она решила, что сделает все, чтобы он не переживал. Она приготовит на ужин его любимое блюдо: печень с луком – и подаст на стол с бокалом отличного «пино нуар», бутылка которого уже стояла на кухонной стойке. А потом будет вечер в кругу семьи, они сядут на диван вместе с детьми и посмотрят какое-нибудь кино. Может быть, даже тот новый фильм про супергероев, который дети так жаждали увидеть, хотя Мэл всегда тщательно следил за тем, что они смотрят. Лили свернется в теплый клубок рядом с Джиной, а Брэйди растянется поперек колен отца, положив голову на подлокотник дивана. Лежать в такой позе может быть удобно только мальчишке, еще не переросшему детскую гибкость; но Мэл больше всего на свете любил такие вот семейные вечера. Хотя нет – больше всего на свете после столярного дела. Джина надеялась, что сегодня вечером он не ускользнет, как обычно, в свою мастерскую.

Нормальная жизнь. Комфортная жизнь. Не идеальная, конечно; ни у кого не бывает идеального брака, верно? Но Джина была довольна – по крайней мере, бóльшую часть времени.

Она уехала из дома всего на полчаса – достаточно для того, чтобы домчаться до школы, забрать детей и поспешить домой. Когда Джина обогнула угол и увидела, что в их квартале мигают красно-синие маячки, первой ее мыслью было: «О Боже, неужели чей-то дом горит?» Эта мысль искренне ужаснула ее, но в следующую секунду она эгоистично подумала о том, что теперь уж точно опоздает с ужином. Это была мелочь – но мелочь досадная.

Улица была полностью перекрыта. Джина насчитала за ограждением три полицейских машины; проблесковые сигналы на их крышах поочередно окатывали практические одинаковые дома то кроваво-красным, то мертвенно-синим светом. Чуть дальше по улице стояли машина «Скорой помощи» и пожарный фургон – явно не задействованный.

– Мама? – спросил с заднего сиденья семилетний Брэйди. – Мама, что случилось? Это наш дом? – В голосе его звучал восторженный ужас. – Он горит?

Джина притормозила машину до минимальной скорости и попыталась осознать увиденное: взрытая лужайка, смятая клумба с ирисами, изломанный кустарник. Искореженный почтовый ящик, наполовину погрузившийся в дренажную канаву.

Их почтовый ящик. *Их* лужайка. *Их* дом.

В конце этой трассы разрушений обнаружился красно-коричневый внедорожник, чей мотор все еще курился струйками пара. Он до половины торчал из передней стены их гаража, превращенного Мэлом в мастерскую, навалившись, точно пьяный, на груду обломков, которая некогда была частью их прочного кирпичного дома. Джине их дом всегда представлялся таким

надежным, таким прочным, таким обычным… Омерзительная куча битого кирпича и штукатурки казалась чем-то непристойным. Теперь дом выглядел хрупким и уязвимым.

Джина представила себе путь внедорожника: он въехал на тротуар, сбил почтовый ящик, зигзагами промчался через двор и врезался в гараж. Подумав об этом, она нажала на тормоза собственной машины – настолько резко, что рывок отдался в ее позвоночнике.

– Мам! – закричал Брэйди почти ей в ухо, и она инстинктивно протянула руку, чтобы утихомирить его. Десятилетняя Лили, сидевшая на пассажирском месте, выдернула из ушей наушники и подалась вперед. Рот ее приоткрылся, когда она увидела ущерб, нанесенный их дому, однако девочка ничего не сказала, лишь глаза ее сделались огромными от потрясения.

– Извини, – произнесла Джина, едва сознавая, что именно говорит. – Что-то не так, малыш. Лили, ты в порядке?

– Что происходит? – спросила дочь.

– С тобой все хорошо?

– Со мной – да! Что тут случилось?

Джина не ответила – ее внимание вновь обратилось на дом. При виде этих разрушений она почувствовала себя до странного беззащитной и даже голой. Дом всегда казался ей безопасным местом, маленькой крепостью – а теперь стена этой крепости была пробита. Безопасность оказалась ложью – ничуть не прочнее кирпича, дерева и штукатурки.

И хуже того – все соседи высыпали на улицу и стояли, глазея и перешептываясь. Даже старая миссис Миллсон, бывшая школьная учительница, давным-давно ушедшая на пенсию и редко покидавшая свой дом. Она была главной сплетницей и любительницей слухов во всем квартале и никогда не стеснялась строить домыслы относительно личной жизни любого, кому не повезло оказаться в поле ее зрения. Миссис Миллсон была одета в выцветший байковый халат и тяжело опиралась на ходунки. Рядом с ней стояла ее дневная сиделка; у обеих был очень заинтересованный вид.

К машине Джины подошел полицейский, и женщина с извиняющимся видом улыбнулась ему, поспешно опуская оконное стекло.

– Офицер, – сказала она, – это мой дом – тот, в который врезался внедорожник. Можно, я припаркуюсь здесь? Мне нужно оценить ущерб и позвонить мужу. Это просто ужасно! Надеюсь, водитель не очень пострадал… Он был пьян? Тут довольно опасный поворот…

Пока она говорила, выражение лица полицейского менялось от официально-бесстрастного до мрачно-сосредоточенного; Джина совершенно не понимала, почему, однако осознавала, что это плохой признак.

– Это ваш дом?

– Да, мой.

– Как ваше имя?

– Ройял. Джина Ройял. Офицер…

Полицейский сделал шаг назад и положил руку на рукоять своего пистолета.

– Выключите двигатель, мэм, – приказал он, одновременно махнув рукой кому-то из своих коллег, который рысцой приблизился к ним. – Приведи сюда детектива, быстро.

Джина облизала губы.

– Офицер, вы, наверное, не поняли…

– Мэм, выключите двигатель немедленно. – На этот раз тон приказа был резким.

Она припарковала машину и повернула ключ в замке зажигания. Тихий рокот мотора смолк, и Джина услышала, как переговариваются любопытные, собравшиеся на тротуаре по ту сторону улицы.

– Положите обе руки на руль. Никаких резких движений. У вас в машине есть оружие?

– Нет, конечно. Сэр, здесь со мной мои дети!

Он так и держал руку на пистолете, и Джина ощутила прилив гнева. «Это просто нелепо! Нас с кем-то путают! Я не сделала ничего плохого!»

– Мэм, еще раз спрашиваю вас: у вас есть оружие?

Голос его звучал настолько враждебно, что ярость Джины сменилась леденящей паникой. В течение пары секунд она не могла говорить, потом все же сумела выдавить:

– Нет! У меня нет никакого оружия. Ничего нет.

– Что не так, мама? – спросил Брэйди дрожащим от страха голосом. – Почему полицейский так злится на нас?

– Всё в порядке, малыш. Все будет хорошо. – «Не снимать руки с руля, не снимать руки с руля…» Джине отчаянно хотелось обнять сына, но она не осмелилась. Она видела, что Брэйди не поверил фальшивой теплоте в ее голосе. Она и сама ей не верила. – Просто сиди спокойно, ладно? Не двигайся. Вы оба, не двигайтесь.

Лили пристально смотрела на офицера, стоящего у машины.

– Он будет стрелять в нас, мама? Он нас застрелит?

Ну конечно же, они все видели по телевизору, как полицейские стреляют в людей – ни в чем не повинных людей, которые просто сделали, или сказали что-то не то, или оказались не в то время не в том месте. И Джине ярко представилось, как это происходит… как ее дети умирают, а она ничего не может сделать, чтобы остановить это. Яркая вспышка света, крик, темнота…

– Конечно же он не будет в вас стрелять! Малыш, пожалуйста, не двигайся. – Джина снова обратилась к полицейскому: – Офицер, поймите, пожалуйста, вы пугаете детей. Я понятия не имею, что происходит!

Из-за заграждения вышла женщина с золотистой полицейской эмблемой, висящей на шее. Миновав полисмена, она остановилась рядом с окном Джины. Лицо у женщины было усталым, темные глаза смотрели невыразительно, однако она с первого же взгляда оценила происходящее.

– Миссис Ройял? Джина Ройял?

– Да, мэм.

– Вы жена Мэлвина Ройяла? – Он ненавидел, когда его называли Мэлвином – только Мэл, всегда Мэл, но, похоже, темноглазой женщине об этом никто не сказал, поэтому Джина лишь кивнула в ответ. – Я детектив Салазар. Прошу вас выйти из машины. Держите, пожалуйста, обе руки на виду.

– Но мои дети…

– Они пока могут остаться на месте. Мы позаботимся о них. Выйдите из машины, пожалуйста.

– Ради бога, да что происходит?! Это наш дом! Я ничего не понимаю, ведь это мы – жертвы!

Страх – за себя, за детей – сделал Джину безрассудной, и она услышала в своем голосе какие-то странные нотки, удивившие ее саму. Это был голос человека, полностью сбитого с толку, – так говорили в новостях люди, потрясенные какими-то событиями, и она всегда испытывала к этим людям одновременно жалость и презрение. «Я ни за что не стала бы в критической ситуации говорить таким тоном». Сколько раз она думала об этом… Но именно так заговорила сейчас. Ее голос звучал точно так же, как у тех людей. Паника билась в груди Джины, словно пойманный мотылек, и она никак не могла выровнять дыхание. Слишком много событий за такое короткое время.

– Жертвы. Ну конечно. – Детектив открыла дверцу машины. – Выходите.

На сей раз это была не просьба. Полицейский, вызвавший детектива, сделал шаг в сторону, все еще держась за пистолет. Почему, ну почему они обращаются с нею так – словно с

преступницей? Это просто ошибка. Ужасная, глупая ошибка! Джина машинально потянулась за своей сумочкой, но Салазар немедленно выхватила ее и передала полицейскому.

– Руки на капот, миссис Ройял.

– Почему? Я не понимаю, что…

Детектив Салазар не дала ей шанса закончить. Она развернула Джину лицом к машине и толкнула вперед. Чтобы не упасть, та оперлась вытянутыми руками о горячий металл капота. Это было все равно что коснуться нагретой конфорки, но она не осмелилась отдернуть руки. Голова у нее кружилась. Это какая-то ошибка, ужасная ошибка, через минуту они извинятся, и она милостиво простит их за грубость, они посмеются вместе, и она пригласит их на чашку чая со льдом… быть может, на кухне еще осталось лимонное печенье, если Мэл его не доел; он очень любит лимонное печенье…

Джина приглушенно ахнула, когда руки Салазар бесстрастно скользнули по тем местам, которых посторонние не имели права касаться. Она пыталась сопротивляться, но детектив впечатала ее в машину с неженской силой.

– Миссис Ройял, не усугубляйте свое положение. Слушайте, что я вам скажу. Вы арестованы. У вас есть право хранить молчание…

– Я… что?! Это мой дом! Эта машина въехала в мой дом!

Ее сын и дочь видели, как унижают их мать прямо у них на глазах. Ее соседи глазели на это. Кое-кто достал смартфоны. Они сделали фотографии, сняли видео. Они загрузят кадры этого невероятного унижения в Интернет, чтобы другие люди от нечего делать могли посмеяться над нею, и не имеет значения, что потом все это окажется ошибкой. В Интернете все сохраняется навсегда. Джина постоянно предупреждала Лили об этом.

Салазар продолжала говорить, зачитывая Джине ее права, которых та сейчас не могла осознать. Женщина не сопротивлялась, когда детектив завела ей руки за спину, – просто не знала, как и когда нужно начинать сопротивляться.

Прикосновение металла наручников к влажной коже показалось ледяным. Джина пыталась унять странное высокое гудение в голове. Она чувствовала, как по ее лицу и шее стекает пот, но все казалось каким-то далеким, отдельным от нее. «Этого нет. Этого не может быть. Я позвоню Мэлу. Мэл все уладит, и мы вместе посмеемся над этим». Она не могла осознать, каким образом за минуту или две перешла от нормальной жизни к… к этому.

Брэйди кричал и пытался выскочить из машины, но полицейский удерживал его на месте. Лили, похоже, была так потрясена и испугана, что даже не могла пошевелиться. Джина посмотрела на детей и произнесла рассудительным тоном, удивившим ее саму:

– Брэйди, Лили, всё в порядке. Не бойтесь, пожалуйста. Все будет хорошо. Просто делайте то, что они вам скажут. Со мной все нормально. Все это – просто ошибка, понимаете? Все будет хорошо. – Рука Салазар крепко, до боли, сжала ее руку выше локтя, и Джина обернулась к детективу: – Пожалуйста, я не знаю, что, по вашему мнению, сделала, но я этого не делала! Прошу вас, присмотрите, чтобы с моими детьми ничего не случилось!

– Присмотрю, – с неожиданной теплотой ответила Салазар. – Но вам нужно пройти со мной, Джина.

– Но… вы думаете, что это сделала я? Что это я въехала на той машине в наш дом? Как бы я смогла это сделать? Я не пьяна, если вы полагаете… – Она умолкла, потому что только сейчас увидела мужчину, сидящего на носилках возле машины «Скорой помощи». Он дышал кислородом из баллончика, врач обрабатывал ему рану на голове, а поблизости маячил еще один полицейский. – Это он? Водитель той машины? Он пьян?

– Да, – подтвердила Салазар. – Абсолютная случайность, если вождение в пьяном виде можно назвать случайностью. Он выпил, воспользовавшись дневной скидкой на коктейли, свернул не туда – сказал, что пытался снова вырулить на шоссе, – и не сбросил скорость на повороте. В итоге врезался в ваш гараж, снеся стену.

– Но… – Теперь Джина ничего не понимала. Полное, ужасное непонимание. – Но если вы взяли его, то почему вы…

– Вы когда-нибудь бывали в вашем гараже, миссис Ройял?

– Я… нет. Нет, мой муж сделал из него мастерскую. Мы заставили дверь, ведущую туда из кухни, шкафами, и он заходил в гараж через боковую дверь.

– Значит, задние ворота не поднимаются? Вы больше не ставите туда машину?

– Нет, он снял подъемный моторчик, вход теперь только через боковую дверь. У нас есть парковочный навес, так что мне не нужно… Послушайте, в чем дело? Что происходит?

Салазар посмотрела на нее уже не сердито, а почти извиняясь. *Почти*.

– Я намерена кое-что показать вам, и мне нужно, чтобы вы дали объяснения. Понимаете?

Она провела Джину за заграждение, туда, где черные следы шин, свернув с тротуара, превращались в грязные рытвины, ведущие через двор до задней части внедорожника, бесстыдно торчащего из груды красного кирпича и прочих обломков. Должно быть, на этой стене висела доска с инструментами Мэла. Джина увидела пилу, присыпанную известковой пылью, и в течение нескольких секунд могла думать только об одном: «Он будет ужасно расстроен, не знаю, как сказать ему обо всем этом». Мэл любил свою мастерскую, это было его святилище.

Потом Салазар произнесла:

– Я хотела бы, чтобы вы объяснили мне вот это. – Она указала пальцем куда-то чуть дальше капота внедорожника.

Джина подняла взгляд и увидела обнаженную куклу в человеческий рост, свисающую с лебедочного крюка в центре гаража. На короткий странный миг женщине хотелось рассмеяться над неуместностью этой куклы, которая покачивалась в проволочной петле, затянутой вокруг шеи. Руки и ноги болтались, пропорции были лишены кукольной идеальности; это был просто несуразный манекен со странно бесцветным телом… И зачем кто-то раскрасил лицо этой куклы в кошмарный черно-багровый цвет, ободрал его кусками, сделал глаза красными, выпученными и ужасающе настоящими; и этот язык, торчащий между распухшими губами…

И тут на Джину снизошло мгновенное ужасное осознание.

Это не кукла.

И, вопреки всем своим намерениям, она закричала. Она кричала и кричала, не в силах остановиться.

1

Гвен Проктор

Четыре года спустя
Стиллхауз-Лейк, штат Теннесси

– Начали.

Я глубоко вдыхаю воздух, пахнущий пороховой гарью и застарелым по́том, проверяю свою стойку и прицел и нажимаю на спуск. Удерживаю равновесие, готовая к отдаче. Некоторые люди невольно моргают при каждом выстреле; я обнаружила, что не делаю этого. Это не результат тренировок – это просто биологическое, врожденное качество, но оно дает мне ощущение более полного контроля. Я признательна за то, что это качество у меня есть.

Тяжелый, мощный револьвер калибра.357 гремит и дергается, отдаваясь привычным сотрясением во всем моем теле. Но я не обращаю внимания на грохот и отдачу. Я сосредоточена только на мишени в дальнем конце тира. Если б шум мог меня отвлечь, то непрерывная пальба прочих стрелков – женщин, мужчин и даже нескольких подростков, занимающих другие места в ряду, – уже сбила бы мне прицел. Грохот выстрелов, пробивающийся даже сквозь толстые защитные наушники, похож на несмолкающий гром во время необычайно свирепой грозы.

Я заканчиваю стрельбу, выдвигаю барабан, вынимаю пустые гильзы и кладу револьвер на стойку тира – патронник все еще открыт, дуло направлено к мишеням. Потом снимаю защитные очки и тоже кладу их на стойку.

– Готово.

Позади меня инструктор по стрельбе произносит:

– Отойдите назад, пожалуйста. – Я отхожу. Он берет и осматривает мое оружие, кивает и нажимает переключатель, придвигая мишень ближе. – Вы превосходно соблюдаете безопасность.

Инструктор практически кричит, чтобы его можно было услышать сквозь шум выстрелов и защитные наушники, которые ни я, ни он не снимали. Голос у него уже немного хриплый: ему приходится кричать почти весь день напролет.

– Надеюсь, стреляю я не хуже, – ору я в ответ.

Но я уже знаю это. Я вижу это еще до того, как бумажная мишень проходит половину пути по направляющим. Края пулевых отверстий трепещут – и все эти отверстия находятся в пределах маленького красного кружка.

– В солнечное сплетение, – говорит инструктор, поднимая большой палец. – Идеальная стрельба, как по учебнику. Хорошая работа, мисс Проктор.

– Спасибо вам, что сделали эту работу такой легкой, – отвечаю я. Он отходит назад, чтобы дать мне место, я закрываю барабан и кладу оружие в сумку, закрывающуюся на «молнию». Надежно закрывающуюся.

– Мы отправим ваши результаты властям штата, и вы очень скоро получите разрешение на скрытное ношение оружия.

Инструктор – молодой человек с короткой стрижкой, бывший военный. У него мягкий, смазанный акцент – южный, несомненно, но без резкого теннессийского выговора… полагаю, он из Джорджии. Славный молодой человек, но лет на десять недотягивает до возраста тех, с кем я могла бы встречаться – если б вообще встречалась с кем-либо. И он безупречно вежлив. Я у него всегда «мисс Проктор».

Инструктор пожимает мне руку, и я улыбаюсь.

– До свидания, Хави.

Привилегия моего возраста и пола: я могу обращаться к нему по имени. Весь первый месяц я называла его «мистер Эспарца», пока он мягко не поправил меня.

– До свида… – Что-то привлекает его внимание, и небрежное спокойствие мгновенно сменяется настороженностью. Он смотрит вдоль ряда и кричит: – Прекратить огонь! Прекратить огонь!

Я ощущаю, как прилив адреналина заставляет каждый мой нерв вибрировать от напряжения, и замираю, оценивая ситуацию. Но она относится не ко мне. Один за другим выстрелы, гремевшие в тире, умолкают, и люди опускают оружие стволами к земле, прижимая к себе локти. Хави проходит четыре стойки, направляясь к плотному мужчине с полуавтоматическим пистолетом. Затем приказывает ему разрядить оружие и отойти от стойки.

– Что я такого сделал? – враждебным тоном спрашивает мужчина. Я поднимаю свою сумку, все еще ощущая нервное напряжение, и направляюсь к двери – но медленно. Я вижу, что мужчина не спешит выполнять приказ Хави; вместо этого он решает занять оборонительную позицию. Не очень хорошая идея. Лицо Хави застывает, и его поза меняется вслед за выражением лица.

– Разрядите оружие и положите его на стойку, сэр. Немедленно.

– С чего бы вдруг? Я знаю, что делаю! Чай, не первый год стреляю!

– Сэр, я видел, как вы обратили заряженное оружие в сторону другого стрелка. Вам известны правила: всегда направлять дуло по направлению к мишеням. А теперь разрядите пистолет и положите его на стойку. Если не выполните мои указания, я буду вынужден удалить вас из тира и уведомить полицию. Вы меня поняли? – Улыбчивый, спокойный Хавьер Эспарца сейчас совершенно не похож на себя обычного, и его приказы разносятся по тиру, словно взрывы шоковых гранат.

Стрелок-нарушитель неловкими движениями выдергивает обойму из своего пистолета и бросает все это на стойку. Я отмечаю, что дуло по-прежнему направлено отнюдь не к мишеням.

Теперь голос Хавьера звучит мягко и отчетливо:

– Сэр, я сказал вам *разрядить* оружие.

– Я это и сделал!

– Отойдите назад.

Под взглядом мужчины Хави берет пистолет, выщелкивает из затвора последний патрон и кладет его на стойку рядом с обоймой.

– Вот так и гибнут люди. Если вы не можете научиться правильно разряжать оружие, вам следует поискать другой тир. По сути, вы, вероятно, *пожелаете* теперь найти другой тир. Вы подвергаете опасности себя и всех присутствующих, нарушая правила безопасности. Вы это понимаете?

Лицо мужчины заливает нездоровый, почти апоплексический румянец, руки сжимаются в кулаки. Хави кладет пистолет точно так же, как тот лежал до того, как он взял его, поворачивает дулом к мишеням, а потом многозначительно переворачивает на другую сторону.

– Оружие должно лежать экстракционным окном вверх. – Он отходит на шаг назад и пристально смотрит в глаза мужчине. Хави одет в джинсы и синюю рубашку-поло, а на стрелке рубашка камуфляжной расцветки и старые штаны от армейской формы, однако любому ясно, кто из них солдат. – Думаю, на сегодня вы закончили, мистер Геттс. Никогда не стреляйте в гневе.

Я никогда не видела человека, столь явственно находящегося на грани приступа – то ли слепой ярости, то ли сердечного. Рука стрелка дергается, и я понимаю, что он прикидывает, насколько быстро сможет схватить пистолет, зарядить его и начать стрелять. Воздух в тире опасно сгущается, и я обнаруживаю, что мои пальцы осторожно сдвигают язычок «молнии» на

сумке, а разум – точно так же, как разум мистера Геттса – просчитывает, что мне требуется для того, чтобы приготовить оружие к стрельбе. Я могу действовать быстро – быстрее, чем он.

Хави не вооружен.

Напряженная атмосфера разбивается, когда один из прочих стрелков, неподвижно стоявших на позиции, выходит из своего «загончика» – на полпути между мной и рассерженным типом. Он ниже ростом, чем Хави и чем краснолицый тип; его светлые волосы некогда были коротко подстрижены, но теперь отросли и топорщатся над ушами. Худощавый, без ярко выраженной мускулатуры. Я видела его здесь и раньше, но не знаю, как его зовут.

– Эй, слушайте, мистер, сдайте лучше назад, – произносит он с акцентом, не похожим на теннессийский – мне кажется, что так скорее говорят фермеры где-то на Среднем Западе. Голос у него спокойный, негромкий, но рассудительность в его тоне привлекает. – Инструктор просто делает свое дело, что не так? И он прав. Если стрелять, когда злишься, то может случиться что угодно.

Очень занимательно смотреть, как ярость покидает Геттса – как будто кто-то выдернул из него пробку. Он делает пару глубоких вдохов, цвет его лица делается более естественным. Затем он скованно кивает и говорит:

– Черт, кажется, я действительно малость погорячился. Больше такого не повторится.

Светловолосый мужчина кивает и возвращается на свое место, избегая любопытных взглядов других присутствующих. Затем начинает проверять собственный пистолет, который лежит совершенно правильно, дулом к мишеням.

– Мистер Геттс, давайте поговорим снаружи, – предлагает Хавьер – вежливо и спокойно, но лицо толстяка снова искажается, и я вижу, как на его виске пульсирует вена. Он начинает протестовать, но потом ощущает давление взглядов, направленных на него, – все остальные стрелки молча смотрят и ждут. Геттс входит обратно в свою выгородку и начинает сердито швырять снаряжение в сумку.

– Долбаный мексикашка, все бы ему свою власть показывать, – ворчит он, потом направляется к двери. Я делаю вдох, но Хави дружески кладет руку мне на плечо, и я молчу. Дверь за толстяком захлопывается.

– Забавно, что этот козел слушается белого человека больше, чем инструктора, – говорю я. Все мы здесь, не считая Хави, – белые. В Теннесси хватает цветного народа, однако, глядя на тех, кто ходит заниматься в тир, этого не скажешь.

– Карл – болван, и все равно я не хотел, чтобы он приходил сюда, – отвечает Хави.

– Неважно. Нельзя позволять ему так разговаривать с вами, – возражаю я, потому что мне хочется врезать Геттсу прямо по зубам. Я знаю, что ничего хорошего из этого не выйдет, но все равно хочу это сделать.

– Он может разговаривать так, как ему хочется. Преимущество жизни в свободной стране. – Голос у Хави спокойный и приятный. – Но это не означает, что последствий не будет, мэм. Он получит запрет на посещение этого тира. Не из-за того, что он сказал, – просто я считаю его настолько безответственным, что ему нельзя находиться здесь, где могут пострадать другие люди. Нам не просто *позволено* исключать людей за небезопасное и агрессивное поведение – от нас именно это и требуется. – Хави едва заметно улыбается невеселой, холодной улыбкой. – А если он после этого захочет потолковать со мною где-нибудь на парковке, то пусть себе. Почему бы и не поговорить?

– Он может привести с собой своих собутыльников.

– Это будет весело.

– А кто этот человек, который вмешался? – Я киваю в сторону светловолосого мужчины; тот снова надел защитные наушники. Мне любопытно, потому что он не простой завсегдатай тира – по крайней мере, насколько я могу судить.

– Сэм Кейд. – Хави пожимает плечами. – Нормальный парень. Новичок. Я даже удивился тому, что он вмешался, – большинство людей не стали бы лезть в это дело.

Я протягиваю руку, и Хави пожимает ее.

– Спасибо, сэр. Вы отличный инструктор.

– Я должен делать это для всех, кто приходит в тир. Всего вам доброго, – говорит он, затем поворачивается к стоящим в ожидании стрелкам и рявкает своим сержантским голосом: – Стрельбище чисто! Начать стрельбу!

Когда снова раздается гром выстрелов, я выскальзываю за дверь. Стычка между Хави и Геттсом слегка подпортила мне настроение, но я все равно чувствую себя окрыленной, когда оставляю наушники на стойке снаружи. У меня будет разрешение! Я думала об этом очень долго, колебалась, не уверенная, посмею ли внести свое имя в официальные записи. У меня всегда имелось огнестрельное оружие, но это рискованно – носить его без разрешения. Однако я наконец-то решила, что достаточно прочно закрепилась здесь, чтобы пойти на такой шаг.

Когда я отпираю машину, мой телефон вибрирует, и я едва не роняю его, пытаясь одновременно положить свое снаряжение на заднее сиденье.

– Алло?

– Миссис Проктор?

– Миз [1] Проктор, – машинально поправляю я, потом смотрю, кто звонит, и с трудом подавляю стон. Кабинет школьной администрации. Номер, который мне уже хорошо знаком – хотя ничего хорошего в этом нет.

– Как ни жаль, но вынуждена сообщить вам, что ваша дочь, Атланта…

– Попала в неприятности, – довершаю я за собеседницу. – Значит, сегодня, очевидно, вторник.

Я поднимаю панель пола. Под ней скрыт ящик, достаточно большой, чтобы вместить сумку с пистолетом. Кладу ее туда, захлопываю дверцу-панель, затем прикрываю тайник ковриком.

Женщина на другом конце линии едва слышно хмыкает с неодобрением. Ее голос становится чуть громче.

– В этом нет ничего смешного, миссис Проктор. Директор намеревается вызвать вас в школу для серьезного разговора. Это четвертый инцидент за три месяца, и такое поведение просто неприемлемо для девочки возраста Ланни!

Ланни четырнадцать лет, и в этом возрасте дети вполне предсказуемо нарушают все и всяческие правила, но я не собираюсь этого говорить. Вместо этого просто спрашиваю:

– Что случилось?

Одновременно я обхожу «Джип» и залезаю на водительское место. Мне приходится на пару минут оставить дверь открытой, чтобы рассеялась удушающая жара, царящая внутри: мне не удалось занять одно из тенистых местечек на узкой стоянке при тире.

– Директор предпочла бы обсудить это лично. Вашу дочь нужно забрать из директорского кабинета. Она будет отстранена от занятий на неделю.

– На неделю? Что она натворила?

– Как я сказала, директор предпочитает обсудить это лично. Через полчаса, допустим.

Через полчаса – значит, мне не хватит времени на то, чтобы принять душ и избавиться от запахов тира, но, возможно, это и к лучшему. «Парфюм» с ароматом пороховой гари, возможно, будет мне в самый раз в такой ситуации.

– Отлично, – отвечаю я. – Я приеду.

---

[1] Миз – «госпожа…», нейтральное обращение к женщине в англоязычных странах; ставится перед фамилией женщины, как замужней, так и незамужней, в том случае если ее семейное положение неизвестно или она сознательно подчеркивает свое равноправие с мужчинами.

Я произношу это спокойно. Мне кажется, большинство матерей были бы рассержены и расстроены, но с учетом тех бедствий, через которые мне уже пришлось пройти, этот случай не заслуживает даже приподнятой брови.

Как только я прерываю звонок, на мой телефон приходит эсэмэска, и я предполагаю, что это Ланни пытается сообщить свой взгляд на случившееся, прежде чем я услышу менее приятную официальную версию.

Однако сообщение не от Ланни: заводя мотор «Джипа», я вижу, что на экране телефона мерцает имя моего сына – Коннор. Открываю сообщение и читаю короткий информативный текст: «Ланни подралась. 1». Мне требуется секунда, чтобы расшифровать последнюю часть, но, конечно же, цифра «1» означает победу. Я не могу решить, горд Коннор или сердит: горд тем, что его сестра сумела выиграть, или зол из-за того, что их обоих могут снова исключить из школы? Это вполне оправданный страх: последний год был временем хрупкого затишья между распаковыванием вещей и упаковыванием их обратно, и я не хочу, чтобы это затишье завершилось так скоро. Дети заслуживают немного мира, чувства стабильности и безопасности. У Коннора уже наблюдаются проблемы с тревожностью. А Ланни постоянно встревает в конфликты.

Никто из нас больше не является цельным. Я пытаюсь не винить себя за это, но мне трудно.

Однако ясно, как день, что это не их вина.

Я набираю быстрый ответ и переключаю «Джип» на заднюю передачу. За последние несколько лет я сменила несколько машин – по необходимости, – но эта… эту я люблю. Я купила ее по дешевке за наличные на сайте «Крейгслист» [2] – быстрая и анонимная покупка. Этот «Джип» отлично подходит для неровной лесистой местности вокруг озера и для холмов, которые тянутся до подножия синих гор, окутанных туманом.

Мой «Джип» – боец. Он видел трудные времена. Трансмиссия требует отладки, рулевое управление слегка барахлит. Но, несмотря на все эти раны, он выжил и продолжает ездить.

Символизм этого от меня не ускользнул.

Машина слегка подпрыгивает, когда я веду ее по неровной дороге вниз с крутого холма, через прохладную тень сосняка, а потом снова на палящее дневное солнце. Тир стоит на господствующей высоте, и, когда я сворачиваю на дорогу, ведущую вниз, в поле зрения постепенно появляется озеро. На мелких волнах прыгают и танцуют солнечные блики, вода глубокого сине-зеленого оттенка. Стиллхауз-Лейк – потаенный самоцвет. Когда-то это было закрытое, огражденное поселение для богатых, но финансовый кризис несколько подорвал его благополучие, и теперь ворота постоянно открыты, а дом охраны при въезде пуст, не считая пауков и случайно забредших енотов. И все же иллюзия богатства по-прежнему живет в поселке: повсюду высятся просторные вычурные дома, хотя теперь они перемежаются более тесными и скромными жилищами. На воде покачиваются лодки, но даже сегодня, в погожий день, их не так уж много. Темные сосны тянутся к небу, я мчусь между ними по узкой дороге, и на меня вновь снисходит чувство того, что вот сейчас все *правильно*.

За последние несколько лет мне попадалось очень мало мест, которые хотя бы в какой-то степени ощущались как безопасные, и уж точно ни одного, где я чувствовала бы себя… как дома. Но это место – озеро, холмы, сосны, полудикая глушь – успокаивало ту часть меня, которая никогда по-настоящему не была спокойна. В первый раз увидев его, я подумала: «Это оно». В прошлой жизни я никогда не бывала здесь, но чувствовала нечто похожее на узнавание. Принятие. Судьбу.

[2] «Крейгслист» – сайт электронных объявлений, пользующийся большой популярностью у американских пользователей Интернета.

«Черт побери, Ланни, я не хочу так скоро уезжать отсюда лишь потому, что ты не можешь научиться быть как все. Не поступай так с нами».

Гвен Проктор – четвертое имя, которое я взяла с тех пор, как мы покинули Уичито. Джина Ройял похоронена в прошлом; я больше не эта женщина. По сути, я с трудом могу сейчас узнать ее, это слабое существо, которое подчинялось, притворялось, сглаживало любые намеки на возникающие проблемы.

Которое помогало и пособничало, пусть даже не осознавая этого.

Джина давно мертва, и я не скорблю по ней. Я чувствую себя настолько далекой от нее, что не узнала бы себя прежнюю, встреть я ее – ту себя – на улице. Я рада, что сбежала из ада, который почти не ощущала, когда горела в нем. И рада тому, что вытащила оттуда детей.

И они тоже заново создали себя – пусть даже вынужденно. Всякий раз, когда нам приходилось переезжать, я позволяла им самим придумывать для себя имена, хотя иногда вынуждена была с сожалением отвергать некоторые особенно творческие предложения. На этот раз они стали Коннором и Атлантой – сокращенно Ланни. Мы почти никогда не выдаем и не используем наши настоящие имена. Наши тюремные имена, как называет их Ланни. Не могу сказать, что она неправа, хотя мне горько, что мои дети рассматривают свои первые годы жизни в таком ключе. Что им приходится ненавидеть собственного отца. Он, конечно же, заслужил это, а вот они – нет.

Выбор имен – вот и весь контроль, который я могу позволить свои детям, перетаскивая их из города в город, из школы в школу, отделяя нас расстоянием и временем от ужасов прошлого. Но этого недостаточно – и может никогда не стать достаточно. Детям нужна безопасность, стабильность, но я не в силах дать им этого. Даже не знаю, смогу ли я когда-нибудь обеспечить им такую роскошь.

Но я уберегла их от волков, по крайней мере: самая основная и важная задача родительницы – не позволить, чтобы ее потомство сожрали хищники.

Даже те, которых я не могу увидеть.

Дорога ведет вокруг озера, мимо поворота к *нашему дому*.

Не просто дому, как я обычно думаю о любом временном жилище, но наконец-то *нашему* дому, в полном смысле слова.

Я привязалась к нему. В перспективе это не очень-то умно, но я ничего не могу с этим поделать: я устала от бегства, от временных съемных обиталищ, от новых фальшивых имен, от постоянной неуклюжей лжи. Я воспользовалась возможностью: заранее получив уведомление, купила этот дом за наличные на удивительно малолюдном аукционе по поводу банкротства прежнего владельца; было это год назад. Некогда какое-то состоятельное семейство построило этот дом – свою мечту о пасторальной жизни на природе, – потом уехало, бросив его на милость сквоттеров [3], и когда мы купили это жилье, оно представляло собой полный хаос. Мы с детьми отмыли и отремонтировали его, и теперь он стал нашим. Мы покрасили стены в выбранные нами цвета – довольно яркие (во всяком случае, в комнате Коннора). Я решила, что подобный шаг определенно означает: это наш настоящий дом. Никаких больше бежевых стен и ковров нейтрального цвета, как на съемных квартирах. Мы здесь. И мы останемся здесь.

И круче всего было то, что в нашем доме есть изначально встроенная комната-убежище. Уступая воодушевлению Коннора, я называю ее «Убежищем от зомби-апокалипсиса». Мы обвешали ее снаряжением для борьбы с зомби и плакатами с надписями «Парковка для зомби запрещена» и «Кара за вторжение – расчленение!».

Я вздрагиваю и стараюсь не думать о глубинном смысле этого. Я надеюсь – но на самом деле понимаю тщетность этих надежд, – что Коннор знает о смерти и расчленении лишь по телепередачам и фильмам. Мой сын говорит, что почти ничего не помнит о тех временах, когда

[3] Сквоттеры – лица, самовольно и незаконно заселяющие покинутое или незанятое место или здание.

он был Брэйди… или, по крайней мере, так он отвечает, когда я спрашиваю его об этом. После того дня Коннор ни разу не приходил в свою старую школу в Уичито, поэтому у школьных хулиганов не было ни единого шанса выкрикнуть ему в лицо страшную правду. Он и Ланни укрывались у моей матери в Мэне, в уединенном и безопасном месте. Она запирала свой компьютер в секретере и редко использовала его. За те полтора года дети почти ничего не узнали о случившемся; им старались не давать в руки ни журналов, ни газет, а единственный телевизор в доме находился под строгим контролем моей матери.

И все же я знаю, что дети нашли способы раскопать по крайней мере кое-какие подробности того, что сделал их отец. На их месте я поступила бы так же.

Вполне возможно, что нынешняя одержимость Коннора зомби-апокалипсисом – его хитрый способ справиться с этой информацией.

Куда больше я беспокоюсь за Ланни. Она была достаточно большой, чтобы запомнить многое… о том случае. Об аресте. О судебных заседаниях. О тех коротких, приглушенных разговорах, которые моя мать, вероятно, вела по телефону с друзьями, врагами и посторонними.

Ланни вполне могла помнить тот поток ненавистнических писем, который захлестывал почтовый ящик моей матери.

Но больше всего меня тревожит то, каким она запомнила своего отца. Потому что, верьте или не верьте, нравится вам это или нет, но он был хорошим отцом для своих детей, и они любили его всем сердцем.

На самом деле он никогда не был таким. «Хороший отец» – это лишь маска, которую он носил, чтобы скрыть живущего внутри него монстра. Но это не значит, что дети забыли это чувство – то, что Мэлвин Ройял любил их. Сама того не желая, я помню, каким надежным, любящим человеком он казался. Когда он уделял кому-то внимание, то уделял это внимание целиком. Он притворялся, что любит меня и детей, и это ощущалось как настоящая любовь.

Но она не могла быть настоящей – учитывая то, кем он был. Должно быть, я просто не видела разницы, и меня тошнит, когда я осознаю́, как сильно заблуждалась…

Я притормаживаю «Джип», когда из-за крутого поворота впереди выруливает другая большая машина. Йохансены. Они отлично ухаживают за своим автомобилем: черный кузов их внедорожника блестит, на нем нет не то что ни единого пятнышка, даже пылинки – и это на загородной дороге! Я машу им рукой, и пожилая чета машет в ответ.

Я озаботилась тем, чтобы познакомиться с ближайшими соседями в первую же неделю после того, как мы въехали в дом, потому что считала здравой предосторожностью оценить: ждать ли от них опасности или помощи в случае чего. От Йохансенов я не ждала ни того, ни другого. Они просто… были. «Большинство людей просто занимают какое-то место в мире», – звучит в моей голове шепот, который пугает меня; я ненавижу вспоминать голос Мэлвина Ройяла. Он никогда не говорил такого дома, никогда не говорил такого при мне, но я смотрела видеозапись с судебного заседания, на котором он произнес эти слова. Мэл сказал это совершенно небрежно – о тех женщинах, которых он резал на куски.

Я заражена Мэлом, словно вирусом, и в глубине моей души живет болезненная уверенность в том, что я больше никогда не буду здорова.

Требуется добрых пятнадцать минут, чтобы съехать по крутой дороге к основному шоссе, плавными изгибами струящемуся между деревьев. Лес редеет, деревья становятся ниже и ниже, а потом «Джип» проезжает мимо деревянного, выбеленного солнцем щита с надписью «Нортон». Правый верхний угол щита испещрен дырочками от выстрела из дробовика. Конечно же, в здешних местах пьяные не могут не пострелять по щиту.

Нортон – типичный для Юга городок со старинными фамильными усадьбами, теснящимися рядом с антикварными лавками, которые все чаще и чаще переделываются во что-нибудь другое. Ниточка, поддерживавшая все это в экономическом равновесии, постепенно перетира-

ется, и сетевые магазины и рестораны медленно, но верно завоевывают позиции. «Олд Нэви», «Старбакс», двойная желтая арка «Макдоналдса»…

Школа представляет собой единый комплекс из трех зданий, выстроившихся плотным треугольником, пространство посередине отдано под занятия физкультурой и искусствами. На входе меня проверяет дежурный охранник – вооруженный, как это в обыкновении здесь, пистолетом в крошечной кобуре; после этого я получаю затертый пропуск посетителя.

Звонок на обеденную перемену уже прозвенел, и по всей территории школы ученики едят, смеются и развлекаются кто как может: заигрываниями, дразнилками, наездами на тех, кто слабее. Обычная жизнь. Ланни среди них быть не должно – и Коннора тоже, если я достаточно хорошо знаю сына. Снимаю трубку интеркома и называю свое имя и по какому делу пришла – и только после этого секретарь впускает меня в здание, где на меня обрушивается знакомый запах несвежих кроссовочных стелек, «Пиносола» и столовской еды.

Забавно, что во всех школах пахнет одинаково. Я мгновенно вновь ощущаю себя тринадцатилеткой, виновной в чем-то.

Подходя к кабинету школьного начальства, вижу Коннора: он сидит, сгорбившись, в твердом пластиковом кресле и рассматривает свои кроссовки. Словно гипнотизирует их.

Когда дверь открывается, он поднимает голову, и я вижу, как на его загорелом лице проявляется облегчение.

– Она не виновата, – заявляет Коннор, прежде чем я успеваю сказать «привет». – Мам, она не виновата.

Сейчас ему полных одиннадцать лет, а его сестре четырнадцать – сложный возраст даже в лучшие времена. Коннор выглядит бледным, потрясенным и обеспокоенным, и это тревожит меня. Я отмечаю, что он снова грыз ногти. Его указательный палец кровоточит. Голос у мальчика хриплый, словно он плакал, но глаза вполне ясные. Я думаю о том, что ему не помешает консультация у психолога, но для такой консультации требуется погружение в прошлое, а это означает сложности, которых мы пока что не можем себе позволить. Но если ему действительно понадобится помощь специалиста, если я увижу признаки того, что он скатывается в то состояние, в котором пребывал три года назад… я рискну. Даже если это означает, что нас найдут и нам снова придется менять имена и адреса.

– Все будет в порядке, – заверяю я и обнимаю его. Коннор позволяет мне это, что весьма необычно, однако здесь этого некому увидеть. Но, тем не менее, я ощущаю его напряженность и скованность и выпускаю его из объятий быстрее, чем намеревалась. – Тебе нужно пойти пообедать. Теперь я позабочусь о твоей сестре.

– Я пообедаю, – отвечает сын. – Но я не мог… – Он не договаривает, но я понимаю, что он хотел сказать.

«Я не мог оставить ее одну». Это то, что отличает моих детей: они всегда держатся вместе. Всегда, даже когда спорят и дерутся между собой. Они ни разу не бросали друг друга со дня *Происшествия*. Именно так я пытаюсь думать об этом – «*Происшествие*», с большой буквы и курсивом, как если б это было страшное кино, нечто, что мы можем выбросить из жизни и забыть. Нечто выдуманное и далекое.

Иногда это даже помогает.

– Иди, – мягко говорю я ему. – Увидимся вечером.

Коннор уходит, однако напоследок оглядывается через плечо. Быть может, я заблуждаюсь, но мне кажется, что он – красивый мальчик: блестящие янтарные глаза, каштановые волосы, уже нуждающиеся в стрижке, треугольное лицо с четкими чертами. Здесь, в Нортонской средней школе, он обзавелся приятелями, к моему большому облегчению. Они разделяют характерные для одиннадцатилетних ребят интересы: видеоигры, фильмы, телепередачи,

книги, и хотя их можно назвать в некотором роде гиками [4], однако это хорошее гикство – оно проистекает от неуемного воображения и способности увлекаться.

Ланни – куда бóльшая проблема.

Намного б*о*льшая.

Я делаю глубокий вдох, выдыхаю и стучусь в дверь кабинета директора школы – Энн Уилсон. Войдя, я обнаруживаю, что Ланни сидит на стуле у стены. Сразу же опознаю́ эту позу – руки скрещены на груди, голова опущена. Молчаливая, пассивная непокорность.

Моя дочь одета в мешковатые черные штаны с цепочками и ремешками и драную, полинявшую футболку с эмблемой и названием группы «Рэмоунз» [5] – ее Ланни, должно быть, утащила из моего гардероба. Волосы Ланни, недавно покрашенные в черный цвет, неровными прядями свисают на лицо. Шипастые браслеты и ошейник выглядят сверкающими и опасно-острыми. Они куплены всего несколько дней назад – как и ее штаны.

– Мисс Проктор, – произносит директор, указывая мне на мягкий гостевой стул, стоящий перед ее столом. Я отмечаю, что Ланни сидит на одном из твердых пластмассовых стульев в сторонке – похоже, это позорное сиденье, до блеска отполированное ягодицами десятков, если не сотен, маленьких бунтовщиков. – Я полагаю, отчасти вы уже видите, в чем заключается проблема. Мне казалось, мы договорились, что Атланта больше не будет одеваться в школу подобным образом. У нас есть дресс-код, который мы должны поддерживать, хотя мне это нравится не больше, чем вам, можете поверить.

Директор Уилсон – афроамериканка средних лет, с естественным цветом волос и уютным слоем жирка на теле. Она вовсе не плохой человек и не собирается превращать происходящее в некий крестовый поход во имя морали. Просто ей нужно соблюдать определенные правила, а Ланни… что ж, моя дочь не особо в ладу с правилами. Или ограничениями.

– Готы – вовсе не долбанутые маньяки, – бурчит Ланни. – Это просто пропагандистское дерьмо, ага.

– Атланта! – резко произносит директор Уилсон. – Следи за своим языком! И к тому же я разговариваю с твоей матерью!

Ланни не поднимает головы, но я прекрасно представляю себе, как она драматически закатывает глаза под завесой черных волос.

Я выдавливаю улыбку.

– Утром, уходя в школу, она была одета совсем не так. Прошу прощения за это.

– А я не прошу, – фыркает Ланни. – То, что мне говорят, как я должна одеваться, – это просто смешно до усрачки. Тут что, католическая школа?

Выражение лица директора Уилсон не меняется.

– И в придачу, как вы видите, ее манеры.

– Вы говорите обо мне так, как будто меня здесь нет! Как будто я не человек! – бросает Ланни, вскидывая голову. – Не вам учить меня манерам!

При виде ее лица я вздрагиваю, прежде чем успеваю справиться с потрясением. Бледный тональник, глаза густо накрашены черным, губная помада – трупно-синего цвета. Серьги в виде черепов.

На миг у меня перехватывает дыхание, потому что вместо лица своей дочери я вижу другое лицо, чужое лицо, лицо девушки, которая висит в петле из толстого проволочного каната; свалявшиеся волосы облепили голову, глаза выкатились из орбит, оставшиеся на теле участки кожи того же самого оттенка…

---

[4] Гик – некто чрезвычайно увлеченный чем-либо; фанат. Как правило, подразумевается человек, увлеченный высокими технологиями (обычно компьютерами и гаджетами).

[5] «Рэмоунз» – американская панк-рок-группа, одни из самых первых исполнителей панк-рока, оказавших влияние как в целом на этот жанр, так и на многие другие течения альтернативного рока.

«Сложи это в ящик и запри его. Ты не должна возвращаться туда». Я отлично понимаю, что Ланни сделала это намеренно, и сейчас наши взгляды прикованы друг к другу – словно скрещенные в поединке клинки. У нее есть такая зловещая способность – находить и нажимать кнопочки в моей душе. Она унаследовала это от своего отца. У нее такой же разрез глаз, как у него, и она так же наклоняет голову.

И это меня пугает.

– И вдобавок, – продолжает директор Уилсон, – эта драка.

Я не отвожу взгляда от дочери.

– Ты пострадала?

Ланни показывает мне правый кулак – костяшки пальцев ободраны. «Ох». На ее синих губах возникает намек на улыбку.

– Видела б ты ту девчонку!

– У той девушки подбит глаз, – поясняет Уилсон. – А ее родители – из тех, у кого номера юристов стоят на быстром дозвоне.

Мы обе не обращаем внимания на ее слова, и я киваю Ланни, чтобы она продолжала.

– Она ударила меня первой, мама, – говорит Ланни. – Сильно. А до этого толкнула меня. Она заявила, что я пялюсь на ее тупого парня, хотя я этого не делала – он просто урод; и вообще, это он на меня пялился. Я-то здесь при чем?

– А где та девочка? – спрашиваю я, переводя взгляд на директора Уилсон. – Почему ее здесь нет?

– Родители забрали ее полчаса назад и отвезли домой. Далия Браун – школьная отличница, и она утверждает, что затеяла драку вовсе не она. И ее слова подтверждены свидетелями.

В средней школе всегда есть свидетели, и они всегда говорят то, чего хотят от них их друзья. Директор Уилсон, несомненно, знает это. Она также знает, что Ланни – новенькая в школе и не умеет ладить с другими учениками. Вот почему моя дочь выбрала готский стиль как часть механизма контроля: оттолкнуть окружающих прежде, чем они оттолкнут ее. Именно так, в некоей странной манере, она справляется с тем тайным «фильмом ужасов», которым сейчас представляется ей ее детство.

– Начала драку не я, – заявляет Ланни, и я верю ей. Вероятно, я единственная, кто ей верит. – Я ненавижу эту гребаную школу.

В это я тоже верю.

Я снова перевожу взгляд на женщину, сидящую за столом.

– Значит, вы отстраняете от занятий Ланни, но не вторую участницу драки, верно?

– У меня действительно нет выбора. Учитывая нарушения дресс-кода, драку и ее настрой относительно всего случившегося… – Уилсон делает паузу, явно ожидая, что я начну спорить, но я лишь киваю.

– Хорошо. Она получила задание на дом?

Выражение облегчения на лице директора различимо невооруженным глазом: пахнущая порохом мать провинившейся ученицы не собирается затевать скандал.

– Да, я лично убедилась в этом. Она может вернуться к занятиям со следующей недели.

– Идем, Ланни, – говорю я, поднимаясь. – Мы поговорим об этом дома.

– Мам, я не…

– Дома.

Ланни выдыхает, берет свой рюкзак и плетется прочь из кабинета. Черные волосы вновь скрывают выражение ее лица, но я уверена, что оно отнюдь не довольное.

– Минутку, пожалуйста. Прежде чем я позволю Атланте снова вернуться в школу, мне нужно кое о чем предупредить вас отдельно, – говорит Уилсон. – Мы придерживаемся политики недопустимости подобных случаев, но я намерена сейчас отступить от нее, потому что

знаю: вы хороший человек и хотите, чтобы девочка прижилась в коллективе. Однако это последний шанс, миссис Проктор. Самый последний, как ни жаль.

– Пожалуйста, не называйте меня так, – напоминаю я. – «Миз Проктор» – более уместно. По-моему, это вполне допустимо с семидесятых годов двадцатого века.

Я протягиваю директору руку. Она пожимает ее – сдержанно, чисто по-деловому. Сейчас я расцениваю деловое отношение как положительное.

– Побеседуем на следующей неделе.

Выйдя из кабинета, я вижу, что Ланни сидит в том же кресле, которое до этого занимал ее брат; оно, вероятно, все еще хранит тепло его тела. Мои дети сговорились – или она сделала это просто инстинктивно? Не слишком ли хорошо они понимают друг друга? Быть может, их сделала такими моя паранойя и постоянная настороженность?

Я медленно вдыхаю, затем выдыхаю. Меньше всего на свете мне хочется подвергать моих детей углубленному психоанализу. Достаточно с них этого.

– Идем, – говорю я. – Забьем на это, как вы говорите.

Ланни раздраженно смотрит на меня.

– Пф-ф… На самом деле мы так не говорим. – Потом она снова устремляет взгляд вниз, в явной нерешительности. – Ты не злишься?

– Я в ярости. И намерена заесть ее в «Тортиках Кэти». И тебе придется поесть вместе со мной, хочешь ты этого или нет.

Ланни сейчас находится в том возрасте, когда испытывать восторг по поводу чего-либо – даже по поводу возможности прогулять школу, чтобы полакомиться тортами с невероятно вкусным масляным кремом, – это не круто, поэтому она просто пожимает плечами.

– Как угодно. Лишь бы убраться отсюда.

– Кстати, забыла спросить: где ты взяла все эти шмотки, которые на тебе надеты?

– Какие шмотки?

– Слушай, детка, ты и дальше намерена притворяться?

Ланни закатывает глаза.

– Это просто одежда. Я совершенно уверена, что в школе нужно носить одежду, так делают все.

– Но мало кому приходит в голову присоединиться к группе поддержки Мэрилина Мэнсона [6].

– Мэрилина кого?

– Спасибо, что заставляешь меня почувствовать себя дряхлой бабкой. Ты заказала это в Интернете?

– А если даже и так?

– Ты ведь не воспользовалась моей кредиткой? Ты же знаешь, как это опасно.

– Я не идиотка. Я накопила денег и купила карточку с предоплатой, как ты меня научила. Заказ я направила на абонентский ящик в Бостоне и оплатила пересылку – двойную.

Это ослабляет темный узел тревоги у меня в груди, и я киваю.

– Ну хорошо. Обсудим это за калорийным обедом.

Но мы ничего не обсуждаем. Куски торта слишком большие и вкусные – домашняя выпечка, – и нет смысла настраивать себя на дурной лад, когда ты ешь их. «Тортики Кэти» – популярное заведение, и за столиками вокруг нас сидят люди, наслаждаясь лакомствами. Папаша с тремя малышами разговаривает по телефону через гарнитуру, и его дети, воспользо-

[6] Мэрилин Мэнсон (наст. Брайан Хью Уорнер, р. 1969) – знаменитый американский рок-музыкант, основатель и бессменный лидер рок-группы Marilyn Manson, исполняющей смесь индастриэла, глэм-рока и ню-метала. Многие причисляют эту музыку к готик-року.

вавшись тем, что он не обращает на них внимания, разбрасывают крошки торта и размазывают по своим лицам ярко-синюю глазурь.

В углу сидит девушка с планшетом, похоже, студентка, и когда она поворачивается, чтобы включить планшет в розетку, я вижу на ее плече, под лямкой топа, татуировку – какое-то яркое цветное изображение. Пожилая чета пьет черный чай из изящных фарфоровых чашек; на столике между ними высится круглый торт-башня, обсыпанный цветными крошками. Я задумываюсь о том, обязательно ли при чаепитии выглядеть так, словно ты умираешь от скуки.

Даже Ланни несколько расслабляется к тому времени, как мы заканчиваем есть, и теперь, когда ее трупно-темная помада стерлась, она выглядит почти нормально. Мы осторожно обсуждаем торт, выходные, книги. И только когда садимся в машину и выезжаем на крутую, извилистую дорогу к Стиллхауз-Лейк, я неохотно начинаю неприятный разговор.

– Ланни, послушай… Ты же умная девочка. Ты знаешь, что, если будешь так выделяться, тебя обязательно кто-нибудь сфотографирует и выложит эти фото в инет, и они попадут в соцсети. Мы не можем этого допустить.

– С каких это пор *моя* жизнь стала *нашей* проблемой, мама?.. Ах да, я и забыла. Так было всегда.

Я делала абсолютно все, что было в моих силах, дабы защитить своих детей от худших из ужасов, последовавших за *Происшествием*, и то же самое делала моя мать, когда меня допрашивали как сообщницу. Я надеялась: что бы ни запомнила или ни узнала Ланни, это было лишь тонкой струйкой отравы, а не тем ядовитым потоком, в который пришлось погрузиться мне. Моя мать была вынуждена сказать Ланни и Коннору – тогда еще Лили и Брэйди, – что их отец был преступником и что его отправят под суд, а затем в тюрьму. Сказать, что он убил множество молодых женщин. Она не поведала им подробности, и я не хотела, чтобы дети их узнали. Но так обстояли дела тогда, и сейчас я знаю, что не смогу долго скрывать от Ланни худшее из этого. Четырнадцать лет – слишком юный возраст, чтобы постичь всю жестокость натуры Мэлвина Ройяла.

– Мы все должны держаться незаметно, – напоминаю я. – Ты знаешь это, Ланни. Это ради нашей безопасности. Ты ведь понимаешь это, верно?

– Конечно, – отвечает она, демонстративно глядя в сторону. – Потому что нас всегда ищут. Те загадочные чужаки, которых ты так боишься.

– Они не… – Я делаю вдох и в который раз напоминаю себе, что от этого спора никому из нас не будет лучше. – У нас есть веские причины жить по таким правилам.

– Твои правила. Твои причины. – Она откидывает голову на спинку кресла, словно настолько устала, что не может больше держать ее прямо. – Знаешь, если я буду краситься, как готка, никто точно не узнает меня. Все смотрят на макияж, а не на лицо.

Надо сказать, что в словах Ланни есть свой резон.

– Может быть, и так, но за это тебя исключат из Нортонской школы.

– Домашнее обучение еще никто не отменял, верно?

И это тоже могло бы упростить ситуацию. Я всерьез рассматривала подобный вариант, много раз, но получение всех нужных документов требует уймы времени, а мы постоянно переезжали. К тому же я хочу, чтобы мои дети научились жить в обществе. Быть частью обычного мира. В их жизни и так уже было слишком много того, чего быть не должно.

– Возможно, мы сможем прийти к компромиссу, – говорю я. – Миссис Уилсон не возражает против цвета твоих волос. Быть может, если ты будешь краситься не так контрастно, уберешь кое-какие аксессуары и не будешь носить все черное, то она смирится с этим. Ты по-прежнему будешь выделяться – но не настолько.

Ланни мгновенно оживляется.

– Тогда можно мне наконец завести учетку в Инстаграмме? И нормальный смартфон вместо этих дурацких раскладушек?

– Не проси слишком многого.

– Мама, ты все время твердишь, будто хочешь, чтобы я была как все. У всех есть соцсети. Я имею в виду, даже директор Уилсон ведет какую-то слюнявую страничку в Фейсбуке, полную дурацких фотографий с кошечками и тупых мемов. И у нее есть учетка в Твиттере!

– Но ты же бунтуешь против обыденности, вот и бунтуй. Будь не такой, как все, – откажись следовать всеобщим трендам.

Это не прокатывает – Ланни бросает на меня полный отвращения взгляд.

– Значит, ты хочешь сделать из меня полный отброс общества? Круто. Есть же такие вещи, как анонимная регистрация, понимаешь? Когда не надо указывать свое настоящее имя. Честное слово, я сделаю все, чтобы никто не узнал, кто я такая.

– Нет. Потому что через две секунды после того, как ты заведешь страничку, на ней будет полным-полно селфи. А местоположение определяется автоматически.

Самое сложное в наши дни, когда все, особенно подростки, одержимы фотографированием, – это пытаться помешать снимкам детей просочиться в Интернет. Нас высматривает множество глаз, и эти глаза никогда не закрываются. Они даже не моргают.

– Боже, от тебя один сплошной геморрой, – бормочет Ланни, наклоняясь, чтобы смотреть через окно на озеро. – И, конечно же, из-за твоей паранойи нам придется жить в этой жопе мира. Если только ты снова не планируешь собрать вещички и перевезти нас в еще бóльшую глухомань.

Я пропускаю мимо ушей слова о паранойе, потому что они совершенно правдивы.

– А тебе не кажется, что в этой жопе мира очень красиво?

Ланни ничего не отвечает. По крайней мере она не придумала никакого язвительного ответа, и это маленькая победа. Я рада любой победе, которую мне удается одержать – хотя бы здесь и сейчас.

Я выруливаю на посыпанную гравием дорогу, и «Джип» тряско заползает наверх, к нашему дому. Ланни выскакивает с пассажирского места едва ли не прежде, чем я успеваю поставить машину на стояночный тормоз.

– Сигнализация включена! – кричу я ей вслед.

– Пфы! Она всегда включена!

Ланни уже в доме, и я слышу, как она набивает на панели шестизначный код. Внутренняя дверь хлопает еще до того, как раздается сигнал «всё в порядке», но Ланни никогда не ошибается, вводя код. Коннор иногда сбивается, потому что он невнимателен – постоянно думает о чем-то другом. Забавно, как за четыре года мои дети словно поменялись местами. Теперь у Коннора богатая внутренняя жизнь, он все время что-то читает, отгородившись от внешнего мира, а Ланни постоянно живет шипами наружу, нарываясь на неприятности.

– Сегодня на тебе стирка, – напоминаю я, входя в дом следом за Ланни, которая, конечно, уже демонстративно захлопывает за собой дверь своей комнаты. – И нам рано или поздно придется поговорить об этом. Ты это знаешь.

Мрачное молчание за дверью свидетельствует о несогласии. Ну и пусть. Я никогда не отступаю, если речь идет о важных вещах. И Ланни знает это лучше, чем кто бы то ни было.

Снова включаю сигнализацию, потом улучаю пару минут, чтобы разложить все свои вещи на места. Я люблю, чтобы все было в порядке, дабы в случае чего мне не пришлось тратить зря ни секунды. Иногда я выключаю свет и провожу что-то вроде учений. «В прихожей пожар. Каким путем вы будете спасаться? Где ваше оружие?» Я знаю, что это нездоровая одержимость. Но это чертовски практично.

Мысленно я повторяю, что буду делать, если кто-то вломится через дверь гаража. Схватить нож с подставки. Броситься вперед, чтобы перехватить его у дверей. Удар, удар, удар. Когда он упадет, подрезать ему сухожилия на лодыжках. Готово.

В таких моих мысленных «репетициях» за нами всегда приходит Мэл – он выглядит точно так же, как на суде, одетый в темно-серый костюм, который купил для него адвокат, с шелковым синим галстуком и носовым платком в кармане – под цвет его синих глаз. Он похож на обычного, хорошо одетого человека, и это идеальная маскировка.

Меня не было в зале во время судебных заседаний, но все сообщали, что он выглядел как совершенно невиновный человек. В то время я сидела в камере, ожидая собственного судебного разбирательства. Но фотограф поймал Мэла точно в нужный момент, когда тот повернулся и посмотрел на зрителей – на семьи жертв. Вид у него был точно такой же, но взгляд стал невыразительным и бездушным, и при виде этой фотографии у меня возникло зловещее ощущение, будто в этом человеческом теле обитает что-то холодное, чуждое и сейчас оно выглянуло наружу. Существо, которое почувствовало, что больше не нужно скрываться.

Когда я воображаю, как Мэл приходит за нами, именно это существо смотрит из его глаз.

Проделав мысленное упражнение, я иду удостовериться, что все двери заперты. У Коннора свой собственный шифр, и когда он возвращается домой, я прислушиваюсь к звукам, которые издают клавиши панели при наборе. Я сразу могу различить, если шифр набран неверно или если Коннор забыл его. Брелок-пульт, включающий общую сигнализацию и передающий сигнал тревоги в Нортонское полицейское управление, постоянно у меня в кармане. Мое самое первое действие в экстренных случаях.

Я сажусь за компьютер в комнате, которую превратила в свой кабинет. Это тесное помещение с узким шкафом, где хранится зимняя одежда и припасы. Основную часть комнаты занимает огромный, видавший виды стол с откидной крышкой, который я приобрела в комиссионном магазине в первый свой день в Нортоне. На ящике изнутри карандашом написан год изготовления – 1902. Этот стол тяжелее, чем моя машина, и кто-то некоторое время использовал его в качестве верстака, однако он настолько большой, что на нем с удобством размещаются компьютер, клавиатура, мышка и маленький принтер.

Я ввожу свой пароль и выполняю каждодневный запуск поискового алгоритма. Это относительно новый компьютер, купленный незадолго до переезда в Стиллхауз-Лейк, однако он оснащен всякими примочками, обеспечивающими информационную безопасность, – это работа хакера, именующего себя Авессаломом.

В дни, недели и месяцы после суда над Мэлом, пока я сама сидела в камере и подвергалась тому, что смело можно назвать узаконенными пытками, Авессалом был одним из огромной гавкающей стаи сетевых агрессоров, которые охотились за мной, разбирая мою жизнь по косточкам в поисках малейшего намека на вину.

Однако после того, как я была оправдана, разразился настоящий ураган.

Авессалом раскопал мельчайшие подробности моей жизни и выложил их в Сеть. Он создал армию «троллей» [7], неустанно атаковавшую меня, моих друзей, моих соседей. Он нашел даже самых моих дальних родственников и опубликовал их адреса. Он нашел двух двоюродных сестер Мэла и довел одну из них почти до самоубийства.

Однако он остановился, когда «тролли», которых он натравил на меня, вместо этого набросились на моих детей.

Я получила от него весьма примечательное сообщение – сразу после того, как началась эта зловещая кампания. Это было искреннее письмо, пришедшее по электронной почте, и в нем говорилось о собственных детских травмах Авессалома, о его боли и о том, что он преследовал меня, дабы изгнать своих собственных демонов. Поезд ненависти, который он отправил

[7] Троллинг – форма социальной провокации или издевательства в сетевом общении, использующаяся как персонифицированными участниками, заинтересованными в большей узнаваемости, публичности, эпатаже, так и анонимными пользователями без возможности их идентификации.

в дорогу, невозможно было остановить – этот крестовый поход уже обрел собственную жизнь. Но Авессалом хотел помочь мне и, более того, мог это сделать.

К тому времени мы бежали из Уичито, отчаявшиеся и не знающие, что делать, и, когда он предложил поддержку, это стало переломным моментом. Моментом, когда я вновь обрела контроль над своей жизнью – с помощью Авессалома.

Авессалом – не друг мне, мы не ведем пустую переписку, и я подозреваю, что на каком-то уровне он по-прежнему ненавидит меня. Но он помогает нам. Он делает фальшивые документы. Он находит для меня безопасные укрытия. Он делает все, что может, дабы обуздать постоянные сетевые домогательства. Когда я приобретаю новый компьютер, он восстанавливает на нем данные из хранилища в безопасном сетевом «облаке», так что у меня ничего не теряется. Он пишет специальные поисковые алгоритмы, которые позволяют мне отслеживать сообщения в «Сайко патрол» [8].

За эти услуги я, конечно же, плачу ему деньги. Не нужно быть приятелями – у нас чисто деловые отношения.

Пока идет поиск, я делаю себе чашку горячего чая с медом и отпиваю глоток, прикрыв глаза, чтобы собраться с силами для встречи с очередными испытаниями. Перед тем как это сделать, всегда проверяю, чтобы в пределах досягаемости было все необходимое. Заряженный пистолет. Мой мобильник, где в быстрый дозвон вбит номер Авессалома – если вдруг возникнут проблемы. И последнее, но не самое незначительное – пластиковый мешок для мусора, в который я при необходимости могу блевануть.

Потому что это… это все тяжело. Это все равно что сунуть голову в раскаленную печь, в пылающий вихрь бездумной ненависти и злобы, и я всякий раз выныриваю из этого опаленная и дрожащая.

Но это необходимо делать. Ежедневно.

Я чувствую, как напряжение распространяется от головы вниз, скользя, точно холодная змея, по позвоночнику и лопаткам и тяжелыми кольцами свиваясь у меня в желудке. Я никогда не могу до конца приготовиться к найденным результатам, но сегодня, как обычно, я пытаюсь быть спокойной и отстраненной, словно обычный наблюдатель.

Четырнадцать страниц результатов. Верхняя ссылка новая; кто-то открыл тему на «Реддите», и все кошмарные описания, предположения и призывы к правосудию всплывают опять. Я скриплю зубами и нажимаю на ссылку.

«И где сейчас Маленькая Сообщница Мэлвина? Я хотел бы нанести визит этой лицемерной суке-церковнице». Они любят называть меня церковницей, потому что наша семья посещала одну из крупных баптистских церквей в Уичито, хотя Мэл относился к этому весьма поверхностно. Чаще всего я бывала там вместе с детьми. В теме размещено множество ядовитых коллажей – фотографии меня и детей в церкви, совмещенные со снимками с места преступления – изображениями мертвой девушки в гараже.

По утрам в воскресенье Мэл обычно отлынивал от посещения службы, говоря, что ему нужно заняться кое-чем в мастерской.

«Заняться кое-чем»… На несколько мгновений я прикрываю глаза, потому что в этих словах кроется чудовищная шутка. Он никогда не думал о женщинах, которых пытал и убивал, как о людях. Для него они были просто объектами. Предметами. *Кое-чем*.

Я открываю глаза, делаю вдох и перехожу к следующей ссылке.

«Надеюсь, кто-нибудь изнасилует и разделает Джину и ее выродков и повесит их, как туши в мясной лавке, чтобы люди могли плюнуть на них. Такой садист, как Мэл, не заслуживает семьи». Эта запись сопровождается фото с места преступления – чьи-то дети застрелены

[8] «Сайко патрол» – интернет-сообщество, занимающееся отслеживанием всего, что связано с преступлениями, совершенными сумасшедшими преступниками, садистами, маньяками и т. п.

и брошены в канаву. От подобного лицемерного бессердечия у меня перехватывает дыхание. Этот сетевой «тролль» использует чью-то личную трагедию, чей-то ужас для того, чтобы проиллюстрировать то, что прочит мне. Плевать он хотел на детей – во всех смыслах.

Он жаждет мести.

С болезненной поспешностью я просматриваю другие ссылки.

«Вы видели его дочь Лили? Я бы запинал ее насмерть».

«Сжечь их живьем и обоссать».

«У меня есть идея – найти кого-нибудь, кто работает ассенизатором, и утопить этих мелких в дерьме. А потом послать ей указания, где их искать».

«Как бы нам заставить ее страдать? Есть предложения? Кто-нибудь видел эту сучку?»

И так далее, и тому подобное. Я покидаю Реддит, перехожу в Твиттер и нахожу лишь угрозы, ненависть, яд – столько, сколько способны вместить сообщения, ограниченные ста сорока знаками. Потом блоги. «8chan» [9]. Форумы о реальных преступлениях. Веб-сайты, посвященные деяниям Мэла.

На форумах и веб-сайтах смерти невинных девушек – лишь повод для мимолетного интереса. Исторические сведения. По крайней мере, эти диванные детективы не очень склонны угрожать. Семья Мэла – лишь примечание к рассказу о подлинных событиях. Они не жаждут нас уничтожить.

Но те, кто больше интересуется нами, пропавшей семьей Мэлвина Ройяла… это именно те, кто может быть опасен.

И их сотни, может быть, даже тысячи – те, кто желает перещеголять друг друга, изобретая все новые ужасные способы покарать меня и детей. Моих детей. Это тошнотворное шоу ужасов, лишенное даже зачатков совести. Никто из них не осознаёт, что они ведут речь о людях, настоящих людях, которым может быть больно. Которые могут истекать кровью. Которые могут быть убиты. А если и осознаёт, то им на это плевать.

Среди этого отвратительного людского месива есть некоторое количество настоящих, хладнокровных человеконенавистников.

Я распечатываю все найденные материалы, выделяя маркером сетевые прозвища и имена, потом начинаю сверять все это с базой данных, которую веду постоянно. Большинство имен в списке присутствуют уже давно; их носители по каким-то причинам зациклились на нас. Другие – более недавние, ревностные новобранцы, только что наткнувшиеся на историю преступлений Мэла и теперь жаждущие принести отмщение «за жертв», хотя на самом деле они не имеют никакого отношения к тем, кого убил Мэл. Они даже редко упоминают имена жертв. Для этой конкретной группы мстителей жертвы не имели никакого значения, пока были живы, и не имеют значения теперь. Смерть девушек – просто повод, чтобы дать волю жестоким стремлениям этих «троллей». Эти люди во многом такие же, как Мэл, – разве что, в отличие от него, вероятно, никогда не реализуют свои стремления.

Вероятно.

Но именно поэтому я держу пистолет под рукой – дабы тот напоминал мне, что если они осмелятся приблизиться к моим детям, то дорого за это заплатят. Я больше никому не позволю причинить вред моим сыну и дочери.

Я прерываю чтение, потому что некий псих под ником *fuckemall2hell* наткнулся на каким-то образом попавший в Интернет судебный документ, где указан один из наших прежних адресов. Он вывесил этот адрес в публичный доступ, писал родным жертв, звонил репортерам, рассылал повсюду плакатики с нашими фотографиями и подписями: «Помогите найти! Вы не

[9] 8chan (также известен как Бесконечный чан) – англоязычный имиджборд, особенностью которого являются генерируемыми пользователями разделы. Каждая доска модерируется ее создателем, вмешательства главной администрации сайта минимальны. На сайте разрешен любой контент, прямо не запрещенный законами США.

видели этих людей?» Подобную тактику эти хищники взяли на вооружение в последнее время, пытаясь сыграть на искренней заботе и беспокойстве. Он пользуется лучшими человеческими побуждениями, чтобы засечь нас, дабы хищникам было проще на нас охотиться.

Но я куда сильнее беспокоюсь за невинных людей, которые живут по опубликованному им адресу. Они могут даже понятия не иметь, что им грозит. Я посылаю письма с анонимного адреса электронной почты тамошнему детективу – невольному моему союзнику, – предупреждая его, что этот адрес всплыл снова. Надеюсь, все обойдется. Надеюсь, эти люди не обнаружат куски гнилого мяса или мертвых животных, приколоченных к их дверям, и на их электронную почту не хлынет поток садомазохистской порнографии, а в их сетевые и реальные почтовые ящики, на их мобильные телефоны и к ним на работу не посыпятся кошмарные угрозы. Я отчетливо помню, в каком шоке была, обнаружив массу мерзких писем, буквально затопивших мой пустой дом, хотя все это время я находилась в следственной камере, а мои дети были тайно перевезены в Мэн.

Я молюсь, чтобы, если у нынешних обитателей этого дома есть дети, они не стали мишенями. Мои – были. Объявления на телеграфных столбах. Их снимки, посланные порнофотографам в качестве моделей. Нет предела ненависти. Это свободно расползающееся ядовитое облако морального произвола и менталитета толпы, и тех, кто дышит этим ядом, не волнует, кому они причиняют боль, – лишь бы причинять.

Адрес, найденный этим конкретным «троллем», ведет в тупик – он не может привести его к нашему новому дому, к нашим новым именам. По крайней мере восемь прерванных следов отделяют то место, на которое он указывает, от того, где я сейчас нахожусь, но это меня не успокаивает. Я наловчилась в запутывании следов и поиске информации по чистой необходимости, но я – не они. У меня нет тех мерзких побуждений, которые движут ими. Все, чего я хочу, – это выжить и обеспечить своим детям как можно больше безопасности.

Заканчиваю проверку, встряхиваю руками и ногами, чтобы избавиться от стресса, пью холодный чай, встаю и начинаю расхаживать по кабинету. Я хотела бы взять в руки пистолет, но это плохая идея. Небезопасная и параноидальная. Я смотрю на то, как ствол тускло поблескивает на свету, обещая безопасность, но я знаю, что это тоже ложь – точно такая же ложь, как и все, что говорил мне когда-либо Мэл. Оружие никому не дает безопасности. Оно лишь уравнивает шансы в игре.

– Мама?

От двери раздается голос, и я оборачиваюсь слишком поспешно, чувствуя, как колотится сердце. Хорошо, что у меня в руках сейчас нет пистолета, потому что застигать меня врасплох – не самая лучшая идея, но в дверях стоит всего лишь Коннор, держа в руке школьную сумку. Он, похоже, не заметил, что напугал меня, – или же настолько привык к этому, что ему все равно.

– С Ланни всё в порядке? – спрашивает сын, и я заставляю себя улыбнуться и кивнуть.

– Да, солнышко, с ней всё в порядке. Как дела в школе? – Я слушаю его лишь наполовину, поскольку размышляю о том, что не слышала, как он вошел, не слышала, как он набирает код и как заново включается сигнализация. Я была слишком глубоко погружена в свои размышления, а это опасно. Мне следует быть более бдительной.

К тому же он все равно не отвечает на мой вопрос, а вместо этого указывает на мой компьютер.

– Ты закончила с «Сайко патрол»?

Это тоже застает меня врасплох.

– Где ты это услышал? – интересуюсь я и сама же отвечаю на свой вопрос: – От Ланни?

Коннор пожимает плечами.

– Ты выискиваешь преследователей, верно?

– Верно.

– Мама, в инете полно всяких злых гадов. Не надо воспринимать это так серьезно. Просто не обращай на них внимания, и они отстанут.

Такие высказывания раздражают меня по многим причинам. Можно подумать, Интернет – это вымышленный мир, населенный придуманными людьми. И вообще, можно подумать, мы просто обычная семья. И что самое главное, это высказывание вполне в духе мальчишек, юных представителей мужского пола, которые считают безопасность чем-то незыблемым. Женщины, даже девушки в возрасте Ланни так не считают. Родители так не считают. Пожилые люди так не считают. Эти слова свидетельствуют о слепом, великолепном неведении относительно того, каким опасным может быть мир в действительности.

И я испытываю легкую тошноту, когда до меня доходит, что это я помогла ему выработать подобный настрой, потому что я держала его в изоляции, защищала его. Но как я могла поступить иначе? Постоянно держать его в страхе? Это ничему не помогло бы.

– Спасибо за ценное мнение, но я его не спрашивала, – говорю я сыну. – Я делаю это и буду делать.

Сортирую бумаги и раскладываю их по папкам. Я всегда веду записи как в электронном, так и в бумажном виде: по моему опыту, полиции куда удобнее работать с бумагами. Им это кажется доказательством намного более веским, чем данные на экране. И вообще, в случае чего мы, возможно, просто не успеем скачать эти данные.

– С «Сайко патрол» всё, – произношу я, закрывая ящик с папками и запирая его. Ключ кладу в карман. Он прикреплен к брелоку сигнализации и всегда находится при мне. Я не хочу, чтобы Коннор или Ланни заглянули в эти папки. Когда бы то ни было. Сейчас у Ланни есть собственный ноутбук, но я поставила на него программы для строгого родительского контроля. Он не только не выдаст ей результаты поиска, но я получу – и уже получала – уведомления, если она попытается ввести по ключевым словам запрос о своем отце, о совершенных им убийствах или о чем бы то ни было, связанном с этим.

Пока я не рискую приобрести компьютер для Коннора, но просьбы дать ему доступ в Интернет становятся все более настойчивыми, и это пугает.

Ланни распахивает дверь своей комнаты и пробегает мимо кабинета по коридору, по пути буквально отшвыривая Коннора с дороги. Она все еще одета в «готские» штаны и футболку с «Рэмоунз», черные волосы развеваются за спиной. Я предположила, что она направляется на кухню, за своей обычной послеобеденной закуской, состоящей из рисовых пирожных и энергетического напитка. Коннор смотрит ей вслед. Он, похоже, не удивлен, просто смирился с происходящим.

– Подумать только, в мире полным-полно сестер, и именно моя вздумала одеваться, как персонаж из «Кошмара перед Рождеством», – вздыхает он. – Знаешь, она пытается выглядеть не такой симпатичной, как на самом деле.

Это неожиданное наблюдение для мальчика в его возрасте. Я моргаю, и до меня доходит, что, несмотря на мешковатые штаны, всклокоченные волосы и трупный макияж, Ланни действительно симпатична. Она уже перерастает подростковую неуклюжесть, вытягивается в рост, и намеки на женственные изгибы уже обрисовались на ее теле. Будучи матерью, я всегда считала ее красавицей, но теперь другие тоже увидят эту красоту. Эксцентричный стиль помогает ей держать людей на расстоянии и заставляет их судить о ней по совершенно иным стандартам.

Это умный ход – но думать об этом горько.

Коннор поворачивается и направляется к своей комнате.

– Подожди, Коннор! Ты включил сигнализацию заново?

– Конечно, – отзывается сын, не останавливаясь. Дверь за собой он закрывает решительно, но не резко.

Ланни возвращается с кухни с рисовыми пирожными и энергетиком и усаживается в маленькое кресло в углу моего кабинета. Отставив банку с напитком, шутливо салютует мне.

– Все присутствуют, везде порядок, мистер старший сержант, – произносит она. Потом сползает на сиденье, согнувшись так, как человек старше двадцати пяти лет и не сможет согнуться. – Я тут подумала – мне нужно найти работу.

– Нет.

– Я смогу помочь нам деньгами.

– Нет. Твоя работа – ходить в школу. – Я прикусываю губу, чтобы не начать жаловаться на то, что когда-то моя дочь любила школу. Лили Ройял любила школу. Она ходила в драмкружок и в клуб программистов. Но Ланни не может выделяться. Не может иметь интересы, которые чем-то отличают ее от других. Не может обзавестись подругами, которым она может проболтаться о чем-либо, хотя бы относительно близким к правде. Неудивительно, что школа из-за этого стала для нее адом.

– Та девочка, с которой ты подралась, – начинаю я. – Ты понимаешь, что это недопустимо? Что тебе нельзя встревать в подобные ситуации?

– Я и не встревала. Она сама начала. Ты что, хочешь, чтобы я поддалась? Позволила избить меня? Я думала, ты настаиваешь на самозащите!

– Я хочу, чтобы ты уклонялась от подобного.

– Ну конечно. Ты только и делаешь, что уклоняешься… Ах да, прости, я хотела сказать – убегаешь.

Ничто не обжигает так сильно, как презрение со стороны подростка. Оно жалит так жестоко, что перехватывает дыхание, и боль от ожога остается надолго. Я пытаюсь не показать Ланни, как сильно меня это задело, однако не настолько уверена в своей выдержке, чтобы сказать хоть слово. Я беру чашку и направляюсь на кухню, чтобы позволить текущей воде смыть осадок. Ланни следует за мной, но не для того, чтобы вновь уязвить меня. По тому, как она плетется позади, я вижу, что она сожалеет о сказанном и не знает, как взять эти слова обратно. Не знает даже, хочет ли она взять их обратно…

Когда я ставлю чашку и блюдце в раковину, дочь произносит:

– Я думаю о том, чтобы пойти на пробежку.

– Только не в одиночку, – машинально откликаюсь я, а потом осознаю, что она именно на это и рассчитывала: извинение без извинения. Даже позволить им ездить на школьном автобусе было тяжкой жертвой с моей стороны, но выпустить ее одну на пробежку вокруг озера? Нет. – Мы пойдем вместе. Я сейчас переоденусь.

Надеваю легинсы, спортивный лифчик и свободную футболку, плотные носки и хорошие кроссовки. Когда я выхожу из комнаты, Ланни уже нетерпеливо потягивается. Сверху на ней только красный спортивный лифчик, а снизу – черные легинсы с леопардовыми полосами по бокам. Я смотрю на нее до тех пор, пока дочь со вздохом не хватает футболку и не натягивает ее.

– Никто теперь не бегает в футболках, – ворчит она.

Я отвечаю:

– Я собираюсь потребовать обратно свою футболку с «Рэмоунз». Это классика. И зуб даю, ты не сможешь назвать ни одной их песни.

– *«I Wanna Be Sedated»* [10], – немедленно отзывается Ланни.

Я молчу. В тот первый год после *Происшествия* Лили пришлось буквально жить на успокоительных таблетках. Она по многу дней не могла уснуть, а когда наконец забывалась неспокойным сном, то просыпалась с криком, звала мать. Мать, которая находилась в тюрьме.

– Если только ты не предпочтешь *«We're a Happy Family»* [11].

---

[10] «I Wanna Be Sedated» («Я хочу успокоительное») – песня группы «Рэмоунз».

[11] «We're a Happy Family» («Мы – счастливая семья») – песня группы «Рэмоунз».

Я продолжаю молчать, поскольку Ланни выбрала эти песни явно неспроста. Затем выключаю сигнализацию и зову Коннора, чтобы тот заново включил ее, и только потом открываю дверь. Он ворчит что-то из своей комнаты, и я надеюсь, что это означает «сейчас».

Ланни успевает ускакать вперед, но в конце гравийной подъездной дорожки я нагоняю ее, и мы направляемся по дороге на восток ровной, свободной трусцой. Это идеальное время дня для пробежки: воздух теплый, солнце стоит низко и не обжигает, тут и там на спокойной воде озера виднеются лодки. Навстречу нам попадаются другие бегуны, я ускоряю бег, и Ланни легко подстраивается под него. Соседи машут нам со своих крылечек. Как дружелюбно! Я машу им в ответ, но эти добрососедские чувства поверхностны, обманчивы. Я знаю, что если б эти добрые люди проведали, кто я такая на самом деле и за кем была замужем, они сделались бы точно такими же, как наши прежние соседи… полными недоверия и отвращения, боящимися даже подойти к нам близко. И может быть, они были бы правы в своей боязни. Мэлвин Ройял отбрасывает длинную темную тень.

Мы пробегаем примерно половину пути вокруг озера, когда Ланни, ловя воздух ртом, просит остановиться и прислоняется к покачивающейся сосне. Я еще не выдохлась, но мои икроножные мышцы болят, а бедра ноют, и я потягиваюсь и продолжаю неспешный бег на месте, пока моя дочь переводит дух.

– Ты в порядке? – спрашиваю я. Ланни мрачно смотрит на меня. – Это означает «да»?

– Ну конечно, – фыркает она. – Вот еще! С чего мы вдруг решили выйти на олимпийский уровень?

– Ты сама понимаешь, с чего.

Ланни отводит взгляд.

– С того же, с чего ты записала меня на эту дурацкую крав-мага́ [12] в прошлом году.

– Мне казалось, тебе нравится крав-мага.

Она пожимает плечами, рассматривая какие-то веточки у себя под ногами.

– Мне не нравится думать о том, что она мне понадобится.

– Мне тоже, детка. Но приходится смотреть фактам в лицо. Кругом опасно, и мы должны быть к этому готовы. Ты достаточно взрослая, чтобы это понимать.

Ланни выпрямляется.

– Ладно. Полагаю, я готова. Постарайся на этот раз не загонять меня, мама-терминатор.

Мне тяжело это слышать. Пока еще была Джиной, но уже после *Происшествия*, я начала бегать, и это было трудное, выматывающее занятие, пока я не натренировалась. И сейчас, если я не сдерживаю себя, то бегу так, будто смерть дышит мне в затылок, будто я спасаюсь от гибели. Это неполезно и небезопасно, и я отлично понимаю, что эта потогонка – некий вид наказания для себя самой, и в равной степени – проявление страха, в котором я живу постоянно.

Несмотря на все свои усилия, я забываюсь. Я даже не сознаю, что Ланни отстала, сбившись с дыхания и с трудом переставляя ноги. И только когда я миную поворот, я понимаю, что бегу одна в тени сосен и даже не знаю, давно ли оторвалась от нее.

Я прислоняюсь к дереву, потом усаживаюсь на удобный старый валун и жду. Я вижу ее вдалеке – она идет медленно, слегка прихрамывая, – и ощущаю укол вины. Что я за мать – заставляю ребенка бегать до изнеможения?

Шестое чувство, возникшее у меня в последние годы, внезапно вбрасывает в кровь порцию адреналина. Я выпрямляюсь и оборачиваюсь.

Тут кто-то есть.

[12] Крав-мага – разработанная в Израиле военная система рукопашного боя, делающая акцент на быстрой нейтрализации угрозы жизни.

Я замечаю человека, стоящего в тени сосен, и мои нервы, которые никогда не ведают покоя, натягиваются туже струн. Я соскальзываю с валуна, приняв стойку готовности, и всматриваюсь в тень.

– Кто здесь?

Он издает сухой нервный смешок и неспешно выходит на свет. Это старик, чья кожа напоминает иссохшую коричневую бумагу, усы у него седые, как и коротко остриженные курчавые волосы. Даже мочки его ушей поникли от старости. Он тяжело опирается на трость.

– Извините, мисс, не хотел вас беспокоить. Я просто смотрел на лодки. Мне всегда нравились их обводы, хотя моряк из меня никудышный, я всю жизнь провел на суше. – Он одет в старый китель с армейскими нашивками… артиллерийскими нашивками. Не Вторая мировая, но Корея, Вьетнам, один из этих мутных конфликтов. – Я – Иезекил Клермонт, живу тут, поблизости, на холме. Уже почти целую вечность. Все по эту сторону озера называют меня Изи.

Мне стыдно за то, что я предположила худшее, и я делаю шаг вперед и протягиваю руку. Ладонь у него сухая и жесткая, но чувствуется, что кости уже старчески хрупкие.

– Здравствуйте, Изи. Меня зовут Гвен. Мы живем вон там, рядом с Йохансенами.

– А, да, вы та семья, которая тут недавно поселилась… Рад знакомству. Жаль, что раньше не было случая познакомиться, но сейчас я маловато гуляю. Все еще не выздоровел с тех пор, как полгода назад сломал бедро. Не старейте, юная леди: старость – сплошная боль во всех местах. – Он оборачивается, когда Ланни останавливается в нескольких футах от нас и переводит дыхание, наклонившись и упершись руками в бедра. – Добрый вечер. Вы в порядке?

– Я отлично, – выдыхает Ланни. – Обалденно. Привет.

Я стараюсь не засмеяться.

– Это моя дочь, Атланта. Все называют ее Ланни. Ланни, это мистер Клермонт. Коротко – Изи.

– Атланта? Я родился в Атланте. Чудесный город, оживленный, культурный… Иногда я скучаю по нему. – Мистер Клермонт по-военному четко кивает Ланни, и та отвечает таким же кивком, украдкой взглянув на меня. – Ладно, мне лучше двигать домой. У меня уходит немало времени на то, чтобы взобраться на холм. Моя дочь все время твердит мне, что нужно продать дом и переселиться куда-нибудь, где легче будет гулять, но я пока еще не готов отказаться от этого пейзажа. Вы понимаете, о чем я?

Я действительно это понимаю.

– Вы нормально доберетесь? – спрашиваю я, потому что вижу его дом, расположенный на достаточно большом расстоянии отсюда вверх по склону – особенно для человека с больной ногой, который передвигается с помощью трости.

– Отлично доберусь, спасибо. Я старый, но не немощный – пока еще. Кроме того, доктор говорит, что мне это полезно. – Он смеется. – По моему опыту, всё, что полезно, никогда не бывает приятно.

– Ага, чистая правда, – соглашается Ланни. – Рада знакомству, мистер Клермонт.

– Изи, – поправляет он, направляясь вверх по холму. – Удачной вам пробежки!

– Обязательно, – отзываюсь я, потом утираю с лица пот и улыбаюсь дочери. – Остаток пути пробежим наперегонки.

– Слушай, я и так полумертвая!

– Ланни!

– Нет, спасибо, я пешочком пройдусь. А ты можешь бежать, если хочешь.

– Я пошутила.

– Тьфу ты!

2

Мы уже почти дома, когда мой телефон сигнализирует о получении текстового сообщения. Оно с анонимного номера, и у меня мгновенно напрягаются мышцы шеи. Я останавливаюсь и отхожу с дороги, Ланни радостно пробегает мимо.

Открываю сообщение. Оно от Авессалома, и начинается с условной текстовой подписи – стилизованной буквы «А», первой буквы его псевдонима. Дальше идет:

Вы где-то поблизости от Миссулы?

Он никогда не спрашивает, где я нахожусь, а я не говорю этого. Я набираю в ответ:

Зачем?

Кто-то опубликовал кое-что. Похоже, они всё поняли не так. Попытаюсь сбить их со следа. Любому, кто стал их целью, будет плохо. Увид. Å.

Это стандартная форма прощания, которую использует Авессалом, и можно быть уверенной, что больше сигналов не последует. Я полагаю, он использует сменные телефоны, так же, как и я: его номер меняется каждый месяц, как по часам, и его сообщения всегда приходят с незнакомых номеров, хотя подпись-символ остается неизменным. Я не могу позволить себе так часто менять телефон, поэтому мой номер остается неизменным полгода подряд, а телефоны детей – по году. Маленький островок стабильности в нестабильном мире.

Однако если кто-то выйдет на мой след, я избавлюсь от всего: от телефонных номеров, адресов электронной почты, учетных записей и так далее. Если преследователи подбираются к нам достаточно близко, Авессалом сообщает мне об этом, мы собираем вещи и уезжаем. За последние несколько лет это стало рутинной процедурой. Да, хреново, но мы привыкли к этому.

Нам пришлось к этому привыкнуть.

Я осознаю, что почти с физической жаждой ожидаю того момента, когда получу по почте запечатанный конверт с драгоценным разрешением на ношение оружия. Я – не одна из тех болванов, которым так и хочется ходить за покупками с автоматом за спиной: эти люди живут в фантастической утопии, где они – герои в мире, полном опасностей. В какой-то степени я их понимаю. Они чувствуют себя бессильными, их жизнь наполнена неуверенностью. Но все равно это утопия.

Я живу в реальном мире и знаю: пистолет, который я ношу, может оказаться единственным, что стоит между мной и свирепой, неудержимой, организованной бандой преследователей. Я не собираюсь объявлять всем о том, что у меня есть оружие, мне это совершенно не нужно. Я не хочу использовать его. Но я готова сделать это – и сделаю.

Все мои усилия направлены на то, чтобы мы выжили.

Ланни, убежавшая далеко вперед, бурно радуется, и я не собираюсь отнимать у нее победу. Мы останавливаемся у почтового ящика, чтобы забрать дневную почту, состоящую в основном из рекламного мусора. Дочь уже не хромает и дышит ровно, но продолжает идти ровным шагом, пока я перебираю конверты. Успеваю просмотреть всего пару из них, когда осознаю́, что кто-то идет к нам по дороге. Ощущаю, как мое тело само по себе принимает стойку готовности к защите – степень настороженности изменяется мгновенно.

Это был тот человек из тира, который свел убийственное противостояние Карла Геттса и Хави к обычной ссоре. Сэм. Я была удивлена, увидев его здесь, да и еще идущего пешком. Замечала ли я его когда-либо прежде вблизи от нашего дома? Разве что издали. Если подумать, он кажется мне смутно знакомым. Быть может, я видела, как он гуляет или бегает трусцой – как и множество других здешних обитателей…

Сэм продолжает идти в нашу сторону, сунув руки в карманы и заткнув уши наушниками. Заметив, что мы глядим на него, машет мне рукой, кивает и проходит мимо нас, направляясь в сторону, противоположную нашему пути вокруг озера. Я не свожу с него глаз, пока он не скрывается из глаз за небольшим подъемом, за которым начинается ответвление дороги к стоящим выше домам – дому Йохансенов и жилищу полицейского офицера Грэма. Но откуда Сэм шел?

Вероятно, то, что мне так необходимо знать это, можно считать одержимостью.

Когда мы входим в дом, я поворачиваюсь, чтобы ввести код, отключающий сигнализацию. Мои пальцы уже касаются панели, когда я понимаю, что вводить код не нужно, потому что сигнал «Включено» не мигает и не пищит.

Сигнализация не включена.

Я застываю, стоя в дверях, преграждая путь дочери. Та пытается протиснуться мимо меня, и я бросаю на нее свирепый, безумный взгляд и прижимаю палец к губам, затем указываю на панель.

Лицо Ланни, румяное от солнца и пробежки, застывает, она делает шаг назад, потом еще один. Запасной комплект ключей от машины я держу в горшке с цветком сразу у дверей, и сейчас я хватаю их и бросаю дочери, беззвучно артикулируя: «Иди!»

Ланни не медлит ни мгновения. Я хорошо выдрессировала ее. Она поворачивается и бежит к «Джипу», а я закрываю и запираю за собой входную дверь. Кто бы ни проник внутрь, я хочу, чтобы он сосредоточился на мне. Затем кладу почту на ближайшую ровную поверхность, стараясь производить как можно меньше шума, и прокручиваю в голове план дома, быстро перебирая все возможные варианты действий.

До маленького пистолета, надежно спрятанного под диваном, всего четыре шага. Я опускаюсь на колени и прижимаю большой палец к замку; лючок распахивается с тихим металлическим щелчком. Я достаю из тайника «ЗИГ-Зауэр». Это мое любимое и самое надежное оружие. Я знаю, что оно заряжено и готово, один патрон уже в стволе. Убираю палец со спускового крючка, заставляю свой пульс замедлиться и тихонько прохожу через кухню и дальше, по коридору.

Я слышу, как «Джип» заводится и отъезжает прочь, шурша шинами по гравию. Хорошая девочка. Она знает, что ей нужно ехать прочь от дома в течение пяти минут, и если я не дам ей сигнал «все чисто», то вызвать полицию, а потом направиться к нашей условленной точке встречи в пятидесяти милях отсюда и откопать там тайник с деньгами и новыми документами, отмеченный на геолокации. Если понадобится, Ланни сможет скрыться и без нас.

С трудом сглатываю, потому что теперь я наедине со своим страхом того, что с моим сыном случилось что-то ужасное.

Приближаюсь к своей комнате. Украдкой заглянув внутрь, не вижу ничего необычного. Все так же, как я оставила, вплоть до домашних тапок, небрежно брошенных в угол.

Комната Ланни – следующая по той же стороне коридора, напротив главного санузла, которым пользуемся мы обе. На какой-то жуткий момент мне кажется, что кто-то перевернул ее комнату вверх дном, но потом вспоминаю, что не проверяла эту комнату сегодня с утра, перед тем как направиться в тир, и Ланни оставила кровать незаправленной, а грязную одежду – разбросанной по всему полу.

Коннор. Пульсирование у меня в висках ускоряется, и при всем своем самоконтроле я не могу замедлить его. «Прошу тебя, Боже, не нужно, не отнимай мое дитя, не делай этого!»

Дверь его комнаты закрыта. Он повесил на дверь табличку: «Не входить – внутри зомби!» – но когда я осторожно нажимаю на ручку, то понимаю, что замок не заперт. У меня два варианта: войти быстро или войти медленно.

Я вхожу быстро, распахнув дверь ударом плеча и вскидывая пистолет плавным движением, – и всем этим спектаклем пугаю сына едва ли не до полусмерти.

Он лежит на своей кровати в наушниках, и даже от двери я слышу музыку, однако гулкий удар двери о стену заставляет его резко сесть, срывая наушники. При виде пистолета сын кричит, и я немедленно опускаю оружие, но успеваю заметить слепой ужас в глазах Коннора.

Этот ужас мгновенно исчезает, сменяясь неистовой яростью:

– Блин, мама! Какого черта?

– Извини, – отзываюсь я. Как ни странно, теперь мой пульс сильно учащается, реагируя на адреналин, впрыснутый в кровь потрясением. Мои руки трясутся. Я осторожно кладу оружие на столик Коннора, экстракционным окном кверху, направив дуло в сторону от нас обоих – четко по правилам тира. – Извини, солнышко. Я думала… – Мне не хочется говорить это вслух. Я ухитряюсь сделать прерывистый вдох и оседаю на пол, прижимая ладони ко лбу. – О Боже, ты просто забыл включить ее, когда мы ушли…

Я слышу, как музыка прерывается посередине аккорда, наушники падают на пол. Кровать скрипит, когда Коннор садится на край, глядя на меня. Я наконец рискую посмотреть на него. Мои глаза жжет; мне кажется, что они покраснели, хотя я не пла́чу. Я уже давно не плачу.

– Сигнализация? Я забыл ее включить? – Он вздыхает и сгибается, как будто у него внезапно начинает болеть живот. – Мама, перестань уже сходить с ума, когда-нибудь ты кого-нибудь из нас убьешь, ты это понимаешь? Мы здесь в дикой глуши – тут никто, кроме нас, даже двери не запирает.

Я не отвечаю. Он, конечно же, прав. Я отреагировала чрезмерно сильно, и уже не в первый раз. Я направила оружие на своего ребенка. Его гнев понятен, так же как и его защитная реакция.

Но он не видел картинки, которые я нахожу, когда пролистываю посты «Сайко патрол».

У некоторых сетевых преследователей есть оригинальное хобби. Некоторые из них отлично владеют «Фотошопом». Они берут жуткие фотографии с мест преступления и приделывают жертвам наши лица. Иногда берут за основу детскую порнографию, и я вижу изображения, на которых моих сына и дочь насилуют самыми невообразимыми способами.

Меня преследует – и я знаю, что оно всегда будет преследовать меня, – память о фотографии мальчика, ровесника Коннора. Этот мальчик, изувеченный, лежит в своей постели, на измятой, пропитанной кровью простыне. Недавно это фото всплыло в интернете с надписью «Правосудие Божье убийцам!».

Коннор прав, что злится на меня. Он прав, что считает, будто его несправедливо обвинили в нарушении дурацких, ненужных, параноидальных правил. Я ничего не могу с этим поделать. Я должна защитить его от настоящих, живых чудовищ.

Но я не могу объяснить это ему. Я не хочу показывать ему тот мир, ту реальность, которая, подобно черной реке, течет под поверхностью жизни, которую они видит вокруг себя. Я хочу, чтобы он продолжал жить в мире, где мальчик может коллекционировать комиксы, вешать на стены плакаты с выдуманными существами и надевать костюм зомби на Хэллоуин.

Я ничего не говорю. Встаю, едва осознав, что ноги снова слушаются меня, и поднимаю пистолет. Потом выхожу и тихо закрываю за собой дверь.

Сын кричит мне вслед:

– Ну погоди, вот я позвоню в соцзащиту!

Полагаю, он шутит. По крайней мере, я на это надеюсь.

Я подхожу к тайнику, кладу «ЗИГ-Зауэр» на место и запираю. Потом звоню дочери и говорю ей, чтобы возвращалась домой. Одновременно включаю сигнализацию. Привычка.

Завершив звонок, я собираю почту и несу ее на кухню. Мне ужасно хочется пить, во рту сухо и ощущается металлический привкус, словно от остывшей крови. Я пью воду, одновременно разбирая уведомления, просьбы о благотворительных пожертвованиях, рассылку местных магазинов. Останавливаюсь на письме, явно не относящемся ко всему этому: конверт из плотной бумаги, на котором напечатано мое имя и адрес и стоит штемпель почтового отделе-

ния Уиллоу-Крик в Орегоне. Это мое последнее пересылочное отделение. Что бы ни было в конверте, оно проделало долгий, извилистый путь, чтобы попасть ко мне.

Не прикасаясь к нему, я открываю ящик стола и достаю пару голубых пластиковых перчаток. Натянув их, осторожно, аккуратно разрезаю верх конверта и достаю из него другой, делового формата.

Я мгновенно узнаю обратный адрес и бросаю невскрытый конверт на стойку. Это не сознательное действие – примерно так же я вела бы себя, если б поняла, что держу в руке живого таракана.

Это письмо из «Эльдорадо» – тюрьмы, где ждет казни Мэл. Это долгое ожидание, и юристы сказали мне, что пройдет по меньшей мере десять лет, пока истечет срок его апелляций. И смертные приговоры в Канзасе не приводятся в исполнение вот уже больше двадцати лет. И кто знает, когда его в итоге казнят… До тех пор он сидит и думает. Он много думает обо мне.

И он пишет письма. В их написании есть определенная схема, которую я вычислила, – и именно поэтому не хочу брать этот конверт в руки.

Я смотрю на конверт очень долго. Меня застает врасплох звук открывшейся входной двери и писк клавиш сигнализации, когда ловкие пальцы Ланни набирают шифр отключения, а потом заново включают ее.

Я не двигаюсь с места – как будто этот конверт может напасть на меня, если я отведу от него взгляд.

Ланни прячет ключи в горшке с цветком, проходит мимо меня к холодильнику, достает бутылку воды, с треском свинчивает колпачок и жадно пьет, потом говорит:

– Давай я угадаю. Безмозглый Коннор забыл включить сигнализацию. Снова. Ты не пристрелила его?

Я не отвечаю. Я не шевелюсь. Краем глаза я вижу, что она смотрит на меня и что ее поза меняется, когда Ланни понимает, что происходит.

Прежде чем я успеваю понять, что она задумала, моя дочь хватает со стойки конверт.

– Нет! – Я разворачиваюсь к ней, но уже слишком поздно: она уже поддевает клапан конверта ногтем, выкрашенным в черный цвет, и разрывает бумагу. Внутри лежит сложенный белый листок. Я протягиваю руку, чтобы выхватить письмо. Ланни отпрыгивает назад – гнев лишь усиливает ее ловкость.

– Он пишет и мне тоже? И Коннору? – вопрошает она. – Ты часто получаешь эти письма? Ты же сказала, что он никогда нам не пишет!

Я слышу в ее голосе обвинение в предательстве, и мне от этого больно.

– Ланни, отдай мне письмо. Пожалуйста. – Я пытаюсь говорить спокойно и властно, но изнутри меня захлестывает ужас.

Она изучает мои руки, покрытые по́том под голубым пластиком перчаток.

– Ради всего святого, мама, он уже в тюрьме, нет необходимости сохранять чертовы улики.

– Пожалуйста.

Ланни роняет вскрытый конверт на пол и разворачивает листок.

– Пожалуйста, не читай, – шепчу я, окончательно сломленная. Меня подташнивает.

У Мэла есть своего рода расписание. Он присылает два письма, которые идеально, замечательно соответствуют образу прежнего Мэла, за которого я вышла замуж: доброго, милого, веселого, вдумчивого, заботливого. В них воплощен тот человек, которым он притворялся, вплоть до финального заверения в любви. Он не заявляет о своей невиновности, потому что знает, что не сможет доказать ее – улики против него слишком неоспоримы. Но он может писать – и пишет – о своих чувствах ко мне и к детям. О любви, заботе и беспокойстве.

В двух письмах из трех.

Но это – третье письмо.

Я точно вижу момент, когда все иллюзии Ланни оказываются сметены, когда она видит монстра в этих тщательно подобранных словах. Я вижу, как дрожат ее руки – словно стрелка сейсмографа, оповещающего о землетрясении. Я вижу в ее глазах непонимание и страх.

И не могу выдержать это.

Я забираю письмо из ее руки, ставшей вдруг безвольной, складываю его и бросаю на стойку. Потом обнимаю дочь. На мгновение она напряженно застывает, а потом обмякает в моих объятиях, прижавшись горячей щекой к моей щеке; мелкая конвульсивная дрожь сотрясает ее тело, подобно электрическому току.

– Ш-ш-ш, – говорю я ей и глажу ее черные волосы, как если б она была шестилетней девочкой, боящейся темноты. – Ш-ш-ш, детка. Всё в порядке.

Ланни мотает головой, высвобождается из моих рук и уходит в свою комнату, закрыв за собой дверь.

Я смотрю на сложенное письмо и чувствую прилив ненависти, такой сильный, что он едва не раздирает меня изнутри. «Как ты посмел? – думаю я, обращаясь к человеку, который написал эти слова, который так поступил с моим ребенком. – Как ты посмел, гребаный ублюдок?»

Я не читаю то, что написал мне Мэлвин Ройял. Я и так знаю, что там говорится, потому что читала это и прежде. Это письмо, в котором маска спадает и он говорит о том, как я разочаровала его, забрав детей и настроив их против него. Он описывает, что сделал бы со мной, если б получил шанс. Он изобретателен. Подробен. Отвратительно прямолинеен.

А потом, как будто это не он только что угрожал жестоко убить меня, Мэл меняет тон и спрашивает, как поживают дети. Говорит, что любит их. И, конечно же, он их любит, поскольку в его представлении они лишь отражения его самого. Не подлинные люди со своей волей. Если он встретит их сейчас, то поймет, что они не те пластиковые пупсы, которых он любил когда-то… они станут для него чем-то другим. Потенциальными жертвами, как я.

Кладу письмо обратно в конверт, беру карандаш, проставляю на конверте дату, а потом засовываю в другой конверт – большой, для возврата почты. Сделав это, чувствую себя лучше, как будто избавилась от бомбы. Завтра я отошлю весь пакет обратно, промаркировав его «Нет такого адресата»; у службы возврата есть заранее полученные инструкции – отсылать его срочным отправлением в Канзасское бюро расследований, агенту, который вел дело Мэла. Пока что КБР не сумело вычислить, как он ухитряется отсылать эти письма, минуя обычную тюремную процедуру досмотра. Но я все еще надеюсь, что они это сделают.

Ланни ошиблась относительно того, почему я надеваю перчатки. Нет, не ради того, чтобы сохранить улики. Я надеваю их по той же причине, по которой это делают врачи: чтобы предотвратить заражение.

Мэлвин Ройял – заразное, смертельное заболевание.

* * *

Остаток дня проходит в обманчивом спокойствии. Коннор ничего не говорит об инциденте в его комнате; Ланни вообще ничего не говорит. Они вдвоем садятся играть в видеоигру, и, пока они играют, я занимаюсь своими делами. Затем готовлю ужин, как обычная мать, и мы молча съедаем его.

На следующий день Ланни сидит в своей комнате, заперев дверь, поскольку от школьных занятий она отстранена. Я решаю не вмешиваться. Слышу, как она смотрит какую-то телепередачу. Коннор уезжает в школу. Мне не хочется отпускать его одного даже до автобусной остановки, но я просто смотрю на него через окно до тех пор, пока он не влезает в автобус. Сын невероятно разозлился бы, если б я действительно провожала и встречала его.

Когда после обеда Коннор возвращается все на том же автобусе, я выхожу из дома, чтобы встретить его, но, чтобы скрыть это, притворяюсь, будто вожусь с растениями в маленьком

цветнике перед домом и совершенно не ожидаю его возвращения. Он выходит из автобуса, нагруженный тяжелым школьным рюкзаком, следом выпрыгивают еще два мальчика. Все трое о чем-то разговаривают, и на миг меня охватывает беспокойство – не собираются ли они его обидеть? Но похоже, эти ребята настроены дружелюбно. Оба незнакомые, белокурые, один примерно ровесник Коннора, а второй на год или два старше. Старший высок и широкоплеч, и это навевает тревогу, но он дружески машет Коннору рукой и улыбается. Я вижу, как эти двое рысцой бегут по тропинке, тянущейся влево от дороги. Они определенно не из дома Йохансенов: у этой пожилой четы уже взрослые дети, навещавшие родителей всего один раз за все то время, пока я тут живу. Нет, это, должно быть, сыновья офицера Грэма. Тот служит в полиции Нортона, и, в отличие от меня, это семейство живет в Теннесси уже очень давно. Судя по тому, что я слышала, его предки на протяжении минимум нескольких поколений были зажиточными сельскими обитателями, которые владели домом и землей здесь, у озера, задолго до того, как эту местность облюбовали богатеи. Мне нужно как-нибудь зайти к нему, представиться, посмотреть, что он за человек, и попытаться установить нечто вроде добрососедского союза. Возможно, настанет момент, когда мне понадобится, чтобы представитель закона выступал на моей стороне. Пару раз я доходила до их дома и стучала в дверь, но никто не ответил. Это и понятно. Копы часто работают во внеурочное время.

– Привет, малыш. Как дела в школе? – спрашиваю я Коннора, когда он проходит мимо меня, и прихлопываю почву, которую насыпала небольшой кучкой у корней цветка.

– Отлично, – без энтузиазма отвечает он. – Дали задание на завтра.

– По какому предмету?

Он смещает рюкзак в более удобное положение.

– По биологии. Ничего особенного, справлюсь.

– Хочешь, чтобы я его проверила, когда ты закончишь?

– Да не, я сам разберусь.

Сын входит в дом, а я выпрямляюсь и стряхиваю землю с ладоней. Я беспокоюсь за Коннора, конечно же. Беспокоюсь о том страхе, который вызвала у него (и у себя) вчера вечером. Беспокоюсь о том, нужны ли ему консультации у специалиста или нет. Он превратился в очень тихого, замкнутого ребенка, и это пугает меня так же сильно, как приступы ярости у Ланни. Я почти никогда не знаю, о чем он думает, и время от времени я вижу у него взгляд или наклон головы, которые так напоминают мне о его отце, что я холодею внутри, ожидая, что тот же самый монстр выглянет из глаз Коннора… но он так и не показался. Я не верю, что зло переходит по наследству.

Я не могу в это верить.

Делаю на ужин пиццу, и мы все вместе едим и смотрим кино, когда раздается звонок в дверь, а за ним – резкий громкий стук. У меня сжимается горло, и я судорожно вскакиваю с дивана. Ланни начинает подниматься, и я поспешным жестом приказываю ей и Коннору уйти из кухни в дальний конец коридора.

Они переглядываются.

Стук раздается снова, на этот раз громче. Он звучит нетерпеливо. Я думаю о пистолете в тайнике под диваном, но потом медленно отодвигаю занавеску и выглядываю в окно.

Полиция. На нашем крыльце стоит офицер в форме, и на миг прежнее ощущение тревоги едва не накрывает меня с головой. Я – снова Джина Ройял, со скованными за спиной руками стою возле нашего прежнего дома в Уичито и смотрю на дело рук своего мужа. И слышу свой собственный неистовый крик.

«Стоп», – говорю я себе и представляю, что это слово разносится по всему моему телу, словно приказ Хави прекратить огонь – по тиру.

Я отключаю сигнализацию и открываю дверь, не позволяя себе думать о том, что может случиться дальше.

За дверью стоит высокий светлокожий полицейский, одетый в безупречно отглаженную форму, его ботинки начищены до блеска. Он на целый фут выше меня, плечи у него широкие, вид суровый и непроницаемый. Такое выражение лица мне хорошо знакомо; его как будто выдают вместе с полицейским значком.

Я улыбаюсь ему, несмотря на то, что внутри бьется и завывает паника.

– Чем могу быть полезна вам, офицер?

– Здравствуйте. Миз Проктор, верно?.. Извините, что вламываюсь вот так. Мой сын сказал мне, что ваш мальчик сегодня потерял в автобусе вот это. Я решил вернуть.

Он протягивает мне маленький серебристый телефон-раскладушку. Телефон Коннора, я мгновенно опознаю́ его. Телефоны моих детей различаются по цвету, чтобы они их не спутали, и я с одного взгляда могу сказать, который из них кому принадлежит. Ощущаю укол гнева на сына за такую беспечность, а потом – настоящий страх. Потеря телефона означает потерю нашего строгого контроля над информацией, хотя единственные номера, которые Коннор записал в телефон, – это номера его здешних друзей, мой и Ланни. И все же это брешь в нашей защитной стене. Нехватка бдительности.

Довольно долгое время я не говорю ничего, даже «спасибо», и офицер Грэм неловко переступает с ноги на ногу. У него широкое лицо, ясные карие глаза и неуверенная улыбка.

– Я просто хотел зайти и поздороваться. Но если я не вовремя…

– Нет-нет, конечно, извините, я просто… я хочу сказать – спасибо, что вернули телефон. – Ланни уже поставила кино на паузу, и я делаю шаг в сторону, чтобы впустить Грэма в дом. Когда он входит, я закрываю дверь и чисто рефлекторно включаю сигнализацию. – Не хотите чего-нибудь освежающего… офицер Грэм, верно?

– Лэнсел Грэм, да, мэм. В неофициальной обстановке – Лэнс. – Он говорит с сильным старомодным теннессийским акцентом – такой бывает у тех, кто никогда не выезжает за пределы своей округи. – Если вы будете так добры, что предложите мне чая со льдом, это будет прекрасно.

– Конечно. Сладкий чай?

– А разве бывает другой? – Он сразу же снимает фуражку и неосознанно проводит рукой по волосам, взлохмачивая их. – Звучит чудесно. День выдался долгий и жаркий.

У меня нет обычая инстинктивно проникаться к кому-либо симпатией, а он, кажется, изо всех сил старается очаровать меня. Это меня настораживает. Похоже, ему привычнее заученная вежливость и уважительность, и у него выработалась особая манера держаться, чтобы сгладить впечатление от его мощного сложения и мышц. Скорее всего, он отлично справляется со своей работой. В его голосе присутствует определенный тембр – вероятно, Грэм способен унять рассерженного подозреваемого, не шевельнув даже пальцем. Я не верю заклинателям змей… но мне нравится, как легко он улыбается моим детям. Это уже достаточно много.

До меня доходит – я должна быть чертовски признательна за то, что телефон вернул нам именно полицейский. На трубке, конечно же, стоит защитный пароль, но, попади он не в те руки, понимающие руки, это может причинить вред.

– Спасибо большое, что вернули телефон Коннора, – говорю я, наливая офицеру Грэма чай со льдом из кувшина, стоящего в холодильнике. – Честное слово, он никогда его раньше не терял. Я рада, что ваш сын нашел его и опознал, чей он.

– Извини, мам, – произносит мой сын, сидящий на диване. Голос у него подавленный и встревоженный. – Я не хотел его терять. Я даже не понял, что он выпал.

Я думаю о том, что большинство двенадцатилетних школьников хватились бы своего телефона, если б выпустили его из рук хотя бы на полминуты, но мои дети вынуждены жить в ином мире – в том, где они могут использовать мобильные телефоны лишь для самых базовых вещей. Для них не существует никаких смартфонов. Я бы сказала, что из них двоих Коннор

больше интересуется этим вопросом: у него есть приятели, такие же гики, которые, по крайней мере, пишут ему текстовые сообщения. Ланни… менее общительна.

– Все хорошо, – отвечаю я ему и имею в виду именно это, потому что, ради всего святого, на этой неделе я и так уже устроила своему несчастному сыну достаточно потрясений, чтобы этого хватило ему на всю оставшуюся жизнь. Да, он забыл включить сигнализацию. Да, он потерял свой мобильник. Но это обычная жизнь. Мне нужно немного расслабиться и перестать действовать так, словно каждый промах – это что-то смертельное. Такое напряжение изматывает и меня, и всех нас.

Офицер Грэм пристраивается на одной из высоких круглых табуреток у стойки и начинает пить чай. Похоже, ему вполне удобно так сидеть. Отпив первый глоток, он одобрительно поднимает брови и дружески улыбается мне.

– Отличный чай, мэм. В нашей патрульной машине сегодня было ужасно жарко. А ваш чай сразу освежает.

– Всегда пожалуйста. И прошу вас, называйте меня Гвен. Мы же соседи, верно? Ведь ваши сыновья дружат с Коннором?

При этих словах я бросаю взгляд на сына, но по его лицу ничего нельзя прочитать; он сидит и вертит в руках свой телефон. Я ощущаю укол вины, подумав о том, что он, вероятно, боится той взбучки, которую я устрою ему после ухода нашего гостя. До меня с безжалостной ясностью доходит, что я слишком строга к своим детям. Мы наконец-то обжились в прекрасном месте, где царит мир и покой. Нам больше не нужно быть загнанными животными. Между нами и тем адресом, который нашел сетевой «тролль», восемь прерванных следов. Восемь. Пора дать отбой постоянной боевой тревоге, пока я не причинила своим детям непоправимый вред.

Лэнсел Грэм с любопытством оглядывает кухню.

– Вы отлично поработали, приводя в порядок этот дом, – отмечает он. – Я слышал, что после того, как прежние хозяева съехали отсюда, здесь все перевернули вверх дном.

– Да, тут был полный хаос, – отзывается Ланни, и я вздрагиваю: обычно она неохотно вступает в разговоры с посторонними, и особенно с теми, кто носит форму. – Бродяги разнесли все, до чего дотянулись. Вы бы видели туалеты – просто кошмар… Нам пришлось надеть белые защитные комбинезоны и маски, иначе мы даже войти туда не могли. Меня рвало несколько дней.

– Должно быть, тут развлекались подростки, – говорит Грэм. – Самовольные поселенцы обычно не загаживают так то место, где живут, – если только все время не пьяны или не под наркотой. Кстати, должен сказать, что даже здесь у нас есть проблемы с наркотиками. Кое-кто в холмах по-прежнему варит мет, но нынче основной бизнес делается на героине. И на оксикодоне. Так что будьте бдительны. Никогда не знаешь заранее, кто может колоться или продавать вещества. – Он ненадолго умолкает, чтобы сделать очередной глоток чая. – Во время уборки здесь вы не находили никаких наркотиков?

– Все, что нашли, мы выбросили, – отвечаю я, и это чистая правда. – Я не открывала никакие коробки или пакеты. Все, что не было приколочено, отправилось в мусор, а половину того, что было приколочено, мы отодрали и заменили. Сомневаюсь, что тут осталось что-то ненайденное.

– Хорошо, – кивает он. – Хорошо. Что ж, это основная часть нашей работы в Нортоне. Наркотики и ограбления, связанные с наркотиками, иногда вождение в пьяном виде… Слава богу, здесь не так много тяжелых преступлений. Вы переехали в хорошее место, мисс Прокт… Гвен.

«Если не считать героиновой эпидемии», – думаю я, но не говорю этого вслух.

– Всегда приятно познакомиться с соседями. Чем крепче связи, тем лучше живет община, верно?

– Верно. – Полицейский допивает чай, встает, достает из кармана визитную карточку и кладет на стойку, постучав по ней двумя пальцами, словно для того, чтобы закрепить на месте. – Вот мои телефоны – рабочий и сотовый. Если у кого-то из вас возникнут какие-то проблемы, не стесняйтесь звонить, хорошо?

– Мы позвоним, – отвечает Ланни, прежде чем я успеваю открыть рот, и я вижу, что она внимательно смотрит на офицера Грэма, а глаза ее блестят. Я подавляю вздох. Ей четырнадцать лет. В этом возрасте неизбежны поиски идеала, а он выглядит так, словно сошел с плаката, рассказывающего детям о пользе физкультуры. – Спасибо, офицер.

– К вашим услугам, мисс…

– Атланта, – представляется она и встает, протягивая руку, которую Грэм с серьезным видом пожимает. «Она никогда не называет себя Атлантой», – думаю я, едва не подавившись сладким чаем.

– Рад знакомству. – Грэм поворачивается и пожимает руку Коннора тоже. – А ты, конечно же, Коннор. Я передам своим парням привет от тебя.

– Ладно. – Сын, в отличие от сестры, ведет себя тихо и настороженно. И по-прежнему сжимает в руках свой телефон.

Грэм снова надевает фуражку, пожимает руку и мне, и я провожаю его до двери. Пока отключаю сигнализацию, чтобы выпустить его, он поворачивается, как будто забыв что-то.

– Я слышал, что вы посещаете тир, Гвен. Вы храните свое оружие дома?

– Основную часть времени – да, – подтверждаю я. – Не волнуйтесь, все оно лежит в специальных сейфах.

– И поверьте, мы знаем правила безопасности при обращении с оружием, – подхватывает Ланни, закатывая глаза.

– Вы все наверняка отлично умеете стрелять, – замечает он. Мне не нравится быстрый взгляд, которым обмениваются Ланни и Коннор. На самом деле я не позволяю им касаться моего оружия или учиться стрелять, и это постоянный повод для споров. Достаточно уже того, что время от времени я устраиваю по ночам подъем по тревоге – и не хочу добавлять к этому «коктейлю» еще и заряженное оружие. – Я бываю в тире вечерами по четвергам и субботам. Обучаю своих мальчишек. – Это не приглашение в полном смысле этого слова, но я киваю и благодарю его. Грэм делает несколько шагов, останавливается в дверном проеме и смотрит на меня. – Могу я спросить вас кое о чем, миз Проктор?

– Конечно, – отвечаю я и выхожу на крыльцо, потому что вижу – он хочет обсудить это наедине.

– Ходят слухи, что в этом доме есть комната-убежище, – произносит полицейский. – Это правда?

– Да.

– Вы… э-э… бывали там?

– Нам пришлось вызвать слесаря, чтобы вскрыть ее. Внутри ничего не было, только бутылки из-под воды.

– Ха. Я всегда считал, что если эта комната вообще существует, кто-то что-то там складирует… Ну что ж. – Он указывает в сторону стойки, где оставил свою карточку. – Если что-то будет нужно, позвоните мне.

Он уходит, не задавая больше никаких вопросов.

Когда я закрываю дверь, снова включаю сигнализацию и иду к дивану, внутри у меня что-то стягивается в плотный жгучий узел. От того, что в моем доме побывал посторонний мужчина, мне не по себе. Это напоминает мне о тех вечерах, которые я проводила, сидя на диване вместе с детьми. Вместе с Мэлом. С той тварью, которая маскировалась под Мэла. Я не разглядела эту тварь сквозь маску. Ну да, он мог быть холодным, равнодушным или сердитым, но у любого человека в мире есть изъяны.

То, чем был Мэл на самом деле, было… иным. Или не было? Узнаю ли я это когда-нибудь?

– Мама, – говорит Ланни, – у Коннора, кажется, температура. Проверь-ка.

– И меня тошнит, – добавляет Коннор. – Я сейчас блевану.

– Тихо, – говорю я, опускаясь на диван между ними. Протягиваю руку за пультом, потом поворачиваюсь и смотрю на сына. – Коннор, насчет телефона…

Он собирается, словно готовясь принять удар, и открывает было рот, чтобы извиниться. Я кладу ладонь поверх его руки и крепко зажатого в ней телефона – как будто мобильник может удрать.

– Мы все совершаем ошибки. Это нормально, – говорю я сыну, глядя ему прямо в глаза, дабы убедиться, что он поймет: мои слова искренни. – Прошу прощения, что была в последнее время такой кошмарной матерью. Для вас обоих. Мне жаль, что я так всполошилась из-за сигнализации. Вы не должны ходить по собственному дому на цыпочках, боясь, что я могу разозлиться на вас. Мне ужасно жаль, солнышко.

Коннор не знает, что на это ответить. Он беспомощно смотрит на Ланни, которая подается вперед, убирая с лица крашеные волосы и заправляя их за ухо.

– Мы знаем, почему ты все время так напрягаешься, – обращается она ко мне, и Коннор, похоже, успокаивается, понимая, что она говорит и за него тоже. – Мам, я видела это письмо. У тебя есть полное право быть параноиком.

Должно быть, она рассказала брату о том письме, поскольку тот ничего не спрашивает и даже не проявляет любопытства. Повинуясь внутреннему побуждению, я беру дочь за руку. Я люблю этих детей. Я люблю их так сильно, что у меня перехватывает дыхание, меня буквально расплющивает в плоский блин, – но одновременно я чувствую себя невесомой, готовой взлететь.

– Я люблю вас обоих, – говорю я.

Коннор усаживается поудобнее и тянется за пультом от телевизора.

– Мы знаем, – отзывается он. – Нечего тут разводить единорогов, блюющих радугой.

Я поневоле смеюсь. Он нажимает кнопку воспроизведения, и мы снова погружаемся в сюжет фантастического фильма. Нам тепло и уютно вместе, и я вспоминаю то время, когда они были настолько маленькими, что я могла качать Коннора на руках, пока Ланни возилась и играла рядом со мной. Я тоскую по этим славным моментам, но в то же время они мучают меня. Это было когда-то в Уичито, в доме, который я считала безопасным.

Пока я играла в счастливый семейный вечер, Мэл часто отсутствовал. Он был в гараже. Работал над своими *проектами*. Время от времени он действительно занимался столярным делом: как-то сделал стол, кресло, книжную полку, несколько игрушек для детей…

Но в остальное время, запершись в своей мастерской, он выпускал на волю монстра – в то время как мы сидели всего в десяти футах оттуда, увлекшись происходящими на экране чудесами или азартно сражаясь в настольную игру. Он прибирался в мастерской, выходил оттуда с улыбкой, и я не видела, что живет у него внутри. Я даже не гадала о том, что он там делает. Это казалось просто его безвредным увлечением, хобби. Ему всегда нужно было какое-то время побыть одному, и я позволяла ему это. Он сказал, что запер внешнюю дверь на замок, потому что у него в мастерской лежат ценные инструменты.

И я проглотила каждое слово этой лжи. Жизнь с Мэлом была сплошной ложью, всегда была ложью, и неважно, какой теплой и уютной она казалась.

Нет, то, что есть сейчас, лучше. Лучше, чем когда бы то ни было прежде. Мои умные, сообразительные дети, именно такие, какие они есть. Наш дом, который мы воссоздали собственными руками. Наши новые, возрожденные жизни.

Ностальгия – это для обычных людей.

И как бы мы ни притворялись, как бы убедительно ни старались играть свои роли, мы больше никогда снова не будем обычными людьми.

Я наливаю себе стакан виски и выхожу из дома.

* * *

Именно здесь Коннор находит меня полчаса спустя. Я люблю тихий плеск озерной ряби, лунную дорожку на воде, яркие колючие огоньки звезд над головой. Мягкий ветерок раскачивает сосны, шелестит в их кронах. Виски – отличное дополнение ко всему этому, как память о солнечном свете и дымке костра. Я люблю заканчивать день таким образом, когда у меня есть такая возможность.

Коннор, все еще одетый в школьные брюки и футболку, усаживается в другое кресло, стоящее на крыльце, и несколько минут сидит молча, потом говорит:

– Мама, я не терял свой телефон.

Я в изумлении поворачиваюсь к нему. Виски плещется в стакане, и я отставляю его.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что я его не терял. Его кое-кто взял.

– Ты знаешь, кто это был?

– Да, – отвечает он. – Я думаю, его взял Кайл.

– Кайл?..

– Грэм, – поясняет он. – Сын офицера Грэма. Тот, что повыше, ну, ты видела, да? Ему тринадцать лет.

– Солнышко, если ты выронил телефон из кармана рюкзака, то в этом нет ничего страшного. Это просто случайность. Обещаю, я не буду ругать тебя за это, понимаешь? Не надо обвинять кого-то другого только потому, что…

– Ты не слушаешь, мам! – сердито произносит он. – Я его не терял.

– Если Кайл украл его, то зачем вернул обратно?

Коннор пожимает плечами. Вид у него бледный и напряженный, он выглядит старше своих лет.

– Может быть, он не смог его разблокировать. А может, его батя застукал его с этим телефоном. Не знаю… – Он медлит в нерешительности. – А может быть, он добыл оттуда все, что ему было нужно. Например, номер Ланни. Он спрашивал меня о ней.

Это, конечно же, совершенно нормально. Мальчик-подросток спрашивает о девушке примерно своего возраста. Может быть, я неправильно истолковала дружелюбие Ланни по отношению к офицеру Грэму. Может быть, я проглядела неожиданную влюбленность. Может быть, она просто хотела познакомиться с его сыном. «Не самый худший выбор», – думаю я. Но что, если он действительно украл телефон Коннора? Разве можно сказать, что это в порядке вещей?

– Ты мог ошибиться, малыш, – говорю я. – Не во всем следует видеть угрозу или заговор. С нами все хорошо. И будет хорошо.

Коннор хочет сказать мне еще что-то, я вижу это по его позе и движениям. Но он боится, что я рассержусь на него. Мне больно, что я породила в нем страх перед тем, чтобы рассказать мне что-то.

– Коннор, сынок, что тебя тревожит?

– Я… – Он прикусывает губу. – Ничего, мам. Ничего. – Мой сын обеспокоен. Я создала для него мир, в котором теория заговора – первое, что приходит на ум. – Ничего, если я просто… буду держаться подальше от них? От Кайла и его брата?

– Конечно, если ты так хочешь. Просто будь со всеми вежлив, хорошо?

Он кивает, и спустя секунду я снова беру стакан с виски. Коннор смотрит на озеро.

– Мне вообще не нужны друзья.

Он слишком юн, чтобы говорить так. Слишком юн даже для того, чтобы думать так. Я хочу сказать ему, что он может завести столько друзей, сколько захочет, что мир – безопасное место и никто больше никогда не причинит ему боли, что его жизнь будет полна радости и чудес.

И я не могу сказать ему это, потому что это неправда. Это может быть правдой для других людей. Но не для нас.

Вместо этого я допиваю виски, и мы уходим в дом. Я включаю сигнализацию и, когда Коннор ложится спать, выкладываю все свое оружие на кухонном столе. Достаю набор для чистки и смазки и удостоверяюсь, что я готова ко всему. Чистка пистолетов успокаивает – так же, как упражнения в стрельбе. Мне кажется, что в эти моменты все снова становится так, как должно быть.

Мне нужно быть готовой – просто на всякий случай.

* * *

Остаток того срока, на который Ланни отстранена от посещения школы, она занимается тем, что делает домашнее задание, читает, слушает громкую музыку в наушниках и даже дважды выходит со мной на пробежку. Она делает это добровольно, хотя к финалу пробежки клянется, что никогда больше не будет бегать вообще.

По субботам мы звоним моей матери. Это семейный ритуал – мы все трое собираемся возле моего сменного телефона. В него встроено приложение, которое генерирует произвольный IP-номер для голосовой связи, так что, если даже кто-то поднимет список звонков моей матери, этот номер не приведет его к нам.

Я страшусь суббот, но знаю, что этот ритуал важен для моих детей.

– Алло? – Спокойный, слегка хрипловатый голос матери напоминает мне о том, что она не молодеет. Мне она всегда представляется такой, какой была во времена моей юности…

Здоровая, сильная, загорелая, стройная от постоянного плавания и гребли на лодке. Сейчас, покинув Мэн, она живет в Ньюпорте на Род-Айленде. Ей пришлось переехать перед тем, как меня судили, и еще два раза после этого, но в конце концов ее оставили в покое. Помогает этому и то, что в Ньюпорте придерживаются типичной для Новой Англии позиции «не мое дело».

– Привет, мам, – говорю я, чувствуя, как в груди что-то болезненно сжимается. – Как ты?

– Я в порядке, милая, – отвечает она. Мать никогда не называет меня по имени. В шестьдесят пять лет ей пришлось научиться осмотрительности в разговорах с собственной дочерью. – Очень рада услышать твой голос, дорогая. У вас всё в порядке?

Она не спрашивает, где мы, она не знает и никогда не знала этого.

– Да, мы в порядке, – заверяю я ее. – Я люблю тебя, мама.

– А я – тебя, милая.

Я спрашиваю ее, как ей живется там, и она с наигранным энтузиазмом рассказывает о ресторанах, магазинах и красивых пейзажах. О том, что у нее новое хобби – скрапбукинг, хотя я понятия не имею, что она может использовать в качестве материала. Распечатки статей о моем бывшем муже-чудовище? О моем суде? О моем оправдании? Но ничуть не лучше, если она отметет все это, оставив только мои фотографии до свадьбы, снимки моих детей – без какой-либо связи с нашей жизнью.

Я гадаю, какого рода декоративные элементы могут поставлять фирмы в качестве украшения альбомов для скрапбукинга со статьями о серийных убийцах.

Ланни подается вперед, чтобы радостным голосом заявить:

– Привет, бабушка!

И когда моя мать отвечает, я слышу, как меняется ее голос.

Подлинное тепло. Подлинная любовь. Подлинная привязанность. И все это – минуя одно поколение… по крайней мере, минуя меня. Ланни любит свою бабушку, как и Коннор. Они помнят те мрачные, страшные дни после *Происшествия*, когда я сидела в тюрьме и единственным светом в мире для них оставалась моя мать, явившаяся к ним, словно ангел-спаситель. Она увезла их туда, где жизнь была нормальной – по крайней мере некоторое время. Она защищала их, точно львица, отгоняя репортеров, зевак и мстителей резкими словами и захлопнутой перед их носом дверью.

Я в долгу перед ней за это.

Я едва успеваю расслышать ее вопрос:

– Дети, а что вы сейчас изучаете в школе?

Этот вопрос кажется безопасным, и он вполне мог бы быть таковым, но когда Коннор уже открывает рот, чтобы ответить, я вспоминаю, что в числе прочего он изучает историю Теннесси, и быстро вклиниваюсь в разговор:

– Они учатся хорошо.

Мать вздыхает, и я слышу в ее вздохе раздражение. Она ненавидит это. Ненавидит всю эту… расплывчатость.

– А что насчет тебя, дорогая? Ты обзавелась каким-нибудь новым хобби?

– Честно говоря, нет.

Мы не заходим в разговорах дальше таких фраз. Мы с ней никогда не были близки, даже когда я была маленькой. Я знаю, что она любит меня, а я люблю ее, но между нами нет той привязанности, которую я вижу у других людей. В других семьях. Между нами существует некоего рода вежливая дистанция, как если б мы изначально были посторонними людьми, которые просто случайно оказались связаны жизненными обстоятельствами. Это странно.

Но, несмотря на это, я в неоплатном долгу перед ней. Она не обязана была брать к себе моих детей почти на год, пока следствие пыталось доказать мою вину. Меня называли Маленькой Помощницей Мэлвина, и предположение о моем соучастии в преступлениях Мэла основывалось лишь на показаниях одной мстительной сплетницы-соседки, которая жаждала внимания. Она утверждала, будто однажды вечером видела, как я помогала Мэлу перенести одну из жертв из машины в гараж.

Я никогда этого не делала. И никогда не сделала бы. Я ничего не знала о делах мужа, но с ужасом и яростью понимала, что никто, абсолютно никто не верит в это. Даже моя собственная мать. Быть может, эта непреодолимая пропасть между нами возникла в тот момент, когда она, с невыразимым отвращением и ужасом на лице, спросила меня: «Дорогая, ты сделала это? Он заставил тебя это сделать?»

Она не пыталась сказать, что это ложь, не отрицала того, что я способна на подобную жестокость. Она лишь пыталась отыскать причину для этого, и понять подобное отношение было трудно – и тогда, и теперь. Быть может, из-за того, что во времена моего детства мы с ней не были близки друг другу, она так легко и поверила в худшее – потому что чувствовала: она никогда не знала меня по-настоящему.

Я никогда и ни за что не поступлю так со своими детьми. Я буду защищать их всеми силами. Они не виноваты в том, что происходит.

Моя мать всегда винила меня. В какой-то момент она сказала мне: «Что ж, ты сама хотела выйти замуж за этого человека».

Причина, по которой сетевые «тролли» так яростно травят меня, – они действительно верят, что я виновата. Я – жестокая, безжалостная убийца, которая сумела ускользнуть от правосудия, и теперь они – единственные, кто может свершить кару.

До какой-то степени я это понимаю. Мэл вскружил мне голову своими романтическими поступками. Он водил меня ужинать в великолепные рестораны. Покупал мне букеты роз. Все-

гда открывал передо мной двери. Посылал мне письма и открытки с признаниями в любви. Я действительно любила его – или, по крайней мере, думала, что любила. Предложение руки и сердца было восхитительным. Свадьба прошла идеально, точно в сказке. Через несколько месяцев я забеременела Лили, и мне казалось, что я самая счастливая в мире женщина, чей муж зарабатывает достаточно, чтобы она могла оставаться дома и растить своих детей в любви и заботе.

А потом, постепенно, в его жизни появилось хобби.

Мастерская Мэла началась с малого: с верстака в гараже. Потом инструментов стало больше, им понадобилось больше пространства, и так до тех пор, пока места перестало хватать даже для одной машины, не говоря уже о двух. И тогда он построил навес и получил весь гараж в свое распоряжение. Мне это не нравилось, особенно зимой, но к тому времени Мэл уже снял гаражные ворота и заложил проем кирпичом, встроив в эту стену дверь, которую всегда закрывал на засов и висячий замок. *Дорогие инструменты*.

Я никогда не замечала ничего странного, не считая одного раза. Должно быть, это было после смерти его предпоследней жертвы – Мэл сказал мне, что в мастерскую с чердака пробрался енот и умер там в углу и что понадобится некоторое время, чтобы избавиться от запаха. Мэл тогда купил побольше моющих средств, особенно с хлоркой.

Я верила каждому его слову. А с чего бы мне было не верить?

Но я по-прежнему думаю, что должна была догадаться, и поэтому понимаю, откуда берется яростная настойчивость «троллей».

Моя мать говорит что-то – судя по тону, обращенное непосредственно ко мне. Я открываю глаза и переспрашиваю:

– Что, извини?

– Я спрашиваю – ты удостоверилась, что дети посещают уроки плавания? Я беспокоюсь, что ты не сделала это, учитывая… твои проблемы.

Моя мать любит воду – озера, пруды, море. Она наполовину русалка. Ее особенно ужаснуло, что Мэл избавлялся от трупов своих жертв посредством воды. Меня это тоже особенно ужаснуло. Мой желудок сжимается в комок при одной мысли о том, чтобы хотя бы обмакнуть пальцы ноги в озеро, которым я любуюсь издали. Я не могу даже вывести лодку на гладкую поверхность озера – без того, чтобы не подумать о жертвах моего бывшего мужа, тела которых были брошены в воду, с привязанными к ним грузами. Безмолвный сад разложения, покачивающийся в медленном придонном течении. Я не могу даже пить воду из-под крана – горло сразу перехватывает судорога.

– Дети не очень интересуются плаванием, – отвечаю я матери, не проявляя ни малейшего раздражения по поводу того, что она вообще подняла этот вопрос. – Но мы часто бегаем трусцой.

– Да, по тропе вокруг… – начинает Ланни, и я молниеносным движением нажимаю кнопку отключения звука. В следующее мгновение она осознаёт свою ошибку. Моя дочь едва не сказала «вокруг озера»… И хотя в стране тысячи озер, это все-таки улика. Мы не можем позволить даже такой мелочи просочиться в эфир. – Извини.

Я отпускаю кнопку.

– Я хочу сказать, мы часто бегаем на свежем воздухе. Тут красиво.

Ей трудно умалчивать подробности – погода, деревья, озеро, – но мать ограничивается сказанным. Общими словами. Она знает, что требовать большего нельзя. Такова горькая реальность нашей жизни.

Прежде я гадала, какой была их жизнь без меня; моя собственная жизнь за решеткой была адом, в постоянном жгучем страхе за моих детей. Судя по той радости, с которой они всегда звонят бабушке, я пришла к заключению, что она смогла создать для них относительно мирный

кусочек жизни – отдых от той кошмарной реальности, в которую они оказались вышвырнуты так неожиданно. По крайней мере, я надеюсь, что так оно и было.

Я надеюсь, что мои дети не способны притворяться настолько убедительно, потому что это тоже было бы частицей мрачного наследия Мэлвина Ройяла.

Мать разглагольствует о Ньюпорте и о наступающем лете, но мы не можем рассказать, какая погода ожидается у нас; она знает это, и потому разговор в основном делается односторонним. Я гадаю, действительно ли ее радуют эти звонки. Или же для нее это просто долг? Если б я была одна, она, вероятно, не беспокоилась бы вообще, но мама действительно любит моих детей, а они лю бят ее.

Лица детей слегка мрачнеют, когда я завершаю звонок и откладываю телефон прочь до следующего раза. Ланни говорит:

– Жаль, что у нас нет «Скайпа» или чего-нибудь в этом роде, чтобы мы могли увидеть ее.

Коннор немедленно бросает на сестру хмурый взгляд.

– Ты же знаешь, что мы не можем этого сделать, – напоминает он. – По «Скайпу» могут отследить что угодно. Я смотрел сериалы про копов и все такое.

– В сериалах про копов показывают неправду, дурак, – фыркает Ланни в ответ. – Ты что, думаешь, будто «C.S.I. Место преступления» – это документальный сериал?

– Успокойтесь оба, – вмешиваюсь я. – Мне тоже жаль, что мы не можем увидеть ее. Но все хорошо, верно? У нас все хорошо?

– Да, – соглашается Коннор. – У нас все хорошо.

Ланни не отвечает.

* * *

На следующий день «Сайко патрол» не приносит ничего особо нового, хотя, честно говоря, я уже так привыкла к общему ужасу, что не уверена, смогу ли распознать это самое новое, даже если оно меня укусит. Я занимаюсь сначала работой по редактированию, потом по веб-дизайну (то и другое – фриланс по удаленке) и глубоко погружаюсь в особо сложный кусок кода, когда слышу резкий стук во входную дверь. Испуганно вздрагиваю, но вспоминаю, что именно так стучал офицер Грэм, поэтому, пока иду к двери, чтобы открыть ее, я принимаю самый радушный вид. И конечно же, когда выглядываю наружу, я вижу там именно Лэнсела Грэма.

После первого прилива облегчения я начинаю гадать, не принял ли он мой вчерашний теплый прием за приглашение заходить в гости каждый день – или за что-то еще более глубокое. Мне совершенно не нужны романтические отношения. С меня хватило Мэла, с его идеальным, словно по учебнику, исполнением роли сначала галантного кавалера, а затем образцового мужа. Я больше не доверяю себе в этом отношении и не могу позволить себе ослабить свою оборону – даже если речь идет о каких-то мимолетных отношениях.

Я размышляю об этом, пока отключаю сигнализацию и отпираю дверь, однако поток моих мыслей прерывается почти сразу же, едва я вижу лицо Грэма. На этот раз он выглядит несколько иначе, чем вчера. Он не улыбается.

И он не один.

– Мэм, – начинает разговор мужчина, стоящий позади него. Это афроамериканец среднего роста, сложенный как бывший футболист, несколько раздавшийся в талии. Волосы у него пострижены так, что образуют четко очерченные плоскости и углы, веки тяжелые, а одежда его явно видала лучшие времена. Галстук темно-красного цвета несколько диссонирует с серым пиджаком. – Я детектив Престер. Мне нужно поговорить с вами.

Он не спрашивает, хочу ли этого я.

Я застываю на месте и невольно оглядываюсь через плечо. Коннор и Ланни сидят по своим комнатам; никто из них не вышел посмотреть, что происходит. Я выхожу наружу и закрываю за собой дверь.

– Конечно же, детектив. В чем дело?

Слава богу, в данный момент мне не нужно опасаться за безопасность своих детей. Я знаю, где они. Я знаю, что с ними всё в порядке. «Значит, тут что-то еще», – думаю я.

Гадаю: быть может, он провел кое-какие раскопки и увязал воедино следы, ведущие от Джины Ройял к Гвен Проктор. Я изо всех сил надеюсь, что это не так.

– Можем мы присесть ненадолго?

Вместо того чтобы пригласить их в дом, я указываю на кресла, стоящие на крыльце, и мы с детективом садимся. Офицер Грэм маячит на некотором расстоянии, глядя на озеро. Я прослеживаю за его взглядом, и мой пульс резко ускоряется.

Сегодня на озере не видно обычной флотилии прогулочных суденышек. Вместо них примерно посередине безмятежной глади виднеются два катера, оба окрашены в официальные бело-синие цвета, и над рубкой каждого из них мигают красные огни. Я вижу, как со второго катера в воду спиной вперед прыгает аквалангист.

– Сегодня рано утром в озере был обнаружен труп, – начинает детектив Престер. – Быть может, вы вчера вечером что-либо видели или слышали? Что-то, выходящее за рамки обычного?

Я стараюсь собраться с мыслями. «Несчастный случай, – думаю я. – Несчастный случай на воде. Кто-то выплыл ночью на лодке, пьяный, упал за борт…»

– Извините, – отвечаю я. – Ничего необычного не было.

– Вы слышали что-либо после наступления темноты вчера вечером? Шум лодочного мотора, быть может?

– Возможно, но это тоже трудно назвать необычным, – говорю я, пытаясь вспомнить. – Да, я слышала что-то примерно часов в девять, как мне кажется. – Долгое время спустя после наступления темноты – в сосновых лесах темнеет рано. – Но люди иногда выходят на лодках, чтобы полюбоваться звездами. Или на ночную рыбалку.

– Не было ли такого, чтобы вы в какой-то момент выглянули наружу и увидели кого-нибудь на озере или около него? – Вид у детектива усталый, но за этим фасадом скрывается бритвенная острота, с которой я не хочу играть или пытаться как-то увильнуть в сторону. Я отвечаю так честно, как только могу.

– Нет, не выглядывала, извините. Я работала за компьютером до позднего вечера, почти до ночи, а окно моего кабинета смотрит на холмы, а не на озеро. Я не выходила из дома.

Он кивает и делает несколько пометок в блокноте. В нем чувствуется этакая неброская уверенность, заставляющая расслабиться в его присутствии. Я знаю, что это опасно. Мне уже доводилось попадаться на удочку и недооценивать полицейских, и я пострадала за это.

– Кто-нибудь еще был в доме вчера вечером, мэм?

– Мои дети, – отвечаю я. Он поднимает голову, и его глаза отблескивают на солнце темным янтарем. Они совершенно непроницаемы. Но под этой маской усталого, слегка потрепанного, загруженного работой человека прячется острая, как скальпель, проницательность.

– Могу ли я поговорить с ними?

– Я уверена, они ничего не знают…

– Будьте так добры.

Отказ может показаться подозрительным, но я напряжена и встревожена до предела. Я не знаю, как Ланни и Коннор отреагируют на то, что их снова будут допрашивать: они подвергались множеству допросов во время следствия над Мэлом и надо мной, и хотя полиция Уичито старалась действовать деликатно, эти допросы нанесли травмы детским душам. Я не

знаю, какие старые шрамы могут открыться при повторе этого кошмара. Я стараюсь говорить спокойно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.